

Король-демон

МЕНЯЛА

Виктор Ночкин

Король-демон Ингви

Виктор Ночкин

Меняла

«Автор»

2004

Ночкин В.

Меняла / В. Ночкин — «Автор», 2004 — (Король-демон Ингви)

Бывший солдат наемного отряда, а ныне меняла по прозвищу Хромой случайно узнает о древнем кладе. История «золота эльфов» и его последнего владельца окутана зловещими тайнами, а также связана с тенями прошлых веков и грядущим заговором в родном городе Хромого...

© Ночкин В., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Ночкин

Меняла

Глава 1

Меняльная лавка у Восточных ворот Ливды – это, конечно, не та судьба, о которой я мечтал. Еще совсем недавно. Еще совсем недавно... Всего лишь четыре года назад я покидал этот город, пропахший сохнувшими снастями, гниющими рыбьими потрохами, нуждой и страхом. Я уходил от моего детства, от беспросветной тоски, от безнадежности – туда, где осуществляются мечты, туда, где правят свобода и честь, туда, где все решают сила рук и отвага души. Словом, четыре года назад я покинул Ливду, чтобы стать наемником в Геве. И вот я снова здесь. А город словно стал меньше, он будто съежился за эти три года, первое время после возвращения я все время ловил себя на желании пощупать стены знакомых с детства домов. Стать на цыпочки, легко достать кончиками пальцев до нижнего ряда черепицы на крыше дома сапожника... Когда-то, давным-давно, в прошлой жизни, эта черепица была так недосыгаемо высоко... Впрочем, и теперь мне будет не так-то уж и легко достать эту самую черепицу... Больная нога сразу же напомнит о себе, я знаю. Но все-таки я сильно вырос за эти четыре года. Я стал мужчиной. Я стал колдуном. Я стал калекой. А город, конечно, остался все тем же – огромным скопищем людей и строений, медленно умирающих и гниющих заживо.

Ливда умирает. Если не произойдет ничего из ряда вон выходящего, умирать она будет долго. Этот город слишком велик, чтобы сдаться так просто – тем хуже его обитателям. Они будут – поколение за поколением – бороться с нуждой, уступать шаг за шагом, проигрывать один бой за другим. И устремляться в схватку с нищетой снова и снова – скорее по привычке, уже не надеясь победить. Город погубили морские разбойники. Торговля хиреет, рыбная ловля превратилась в одну из самых опасных профессий, разорившиеся торговцы и рыбаки опускаются и пополняют армии ночных баронов Ливды. Теперь, когда Империя, похоже, рухнула, экипажи имперских галер, не получающие жалования из Ванетинии, постепенно спиваются, разлагаются и от дезертирства их удерживают лишь те гроши, что платит Совет. А Совет не требует от имперских солдат службы, он просто боится бунта. Галеры практически не покидают городскую гавань и разбойники-северяне становятся все смелей и нахальней.

Понятно, что в таком городе меняльная лавка – не слишком прибыльное дело. Тем более лавка у Восточных ворот. Остатки прежней деловой активности, вообще, почти все, что еще приносит доход, сосредоточено в западной части Ливды, вокруг порта. Там, в порту, есть меняльные лавки, открытые торговыми домами и товариществами судовладельцев. А здесь мои клиенты – лишь окрестные крестьяне да те немногие торговцы, что еще рискуют пускаться в дорогу от одного замка к другому. Конечно, они здорово рискуют. Теперь, с исчезновением Империи, рухнет последнее подобие порядка. Окрестные дворянчики и приبلудные бродяги – вся эта свора сантлакских разбойников с гербами на ржавых щитах – все они с удвоенным остервенением возьмутся за разбой. Сухопутная торговля замрет совершенно. А крестьяне... Что с них проку? Лишь изредка кто-то просит оценить старинную эльфийскую монету, вывернутую плугом из земли или обменять подозрительный медяк, который всучили на рынке... Ну еще иногда ко мне обращаются за консультацией купчишки, не желающие почему-либо светиться с валютой в порту. За время службы наемником в Геве я неплохо наловчился разбираться в восточных монетах. Вот купчишки и идут ко мне за советом, тем более что в городе ползет молва, мол, я не щепетилен и не особо стремлюсь соблюдать формальности. Мне плевать, законным ли путем приобретено серебро моего клиента. А солдаты нашей городской стражи смотрят на это сквозь пальцы. Они, бывает, даже угощают меня стаканчиком винца. Жалеют

калеку, своего брата солдата, пострадавшего в бою, да и мои рассказы о похождениях в вольном отряде неизменно вызывают интерес. «Вот и нам, глядишь, придется вскоре подаваться в наемники, жалование два месяца не платят, паскуды», – так рассуждают они вслух, особенно когда выпьют. Да только не уйдут они из стражи, нет. Даже если им перестанут платить жалование вовсе – нет, не уйдут. Их основной заработок – вовсе не из городской казны, они наживаются, мздоимством и незаконными поборами. Эти люди заживо гниют вместе с их проклятым городом. Четыре года назад я пытался избежать этой судьбы и подался в Геву – да вот, снова здесь. Сажу в крошечной лачуге у Восточных ворот и тщетно пытаюсь убедить себя, что меня не затронет гниль, владычествующая в Ливде...

* * *

Четыре года назад... Тогда я верил, что смогу вырваться, смогу начать новую жизнь... Я сговорился с купцами, снаряжавшими караван в Энгру – напросился к ним попутчиком. До Старой Гавани они собирались плыть на барках в сопровождении имперской галеры, оттуда рискнуть добираться по суше. Именно рискнуть – ибо наши местные сантлакские дворяне куда более алчны, жестоки и опасны, чем разбойники Севера. Однако путешествие прошло на редкость спокойно. Мне иногда приходилось браться за весло, и я всякий раз с удовольствием убеждался, что некоторая колдовская сила у меня имеется. Подслушанные украдкой заклинания облегчали мой труд, я налегал на весло весьма энергично и я даже несколько раз был удостоен похвалы старшины каравана. Ну и, конечно, заслужил косые взгляды прочих попутчиков, так же как и я подрядившихся служить в дороге в обмен за право идти с караваном. Обычная, в общем-то, практика – с одной стороны, купцы экономили и нанимали меньше подручных, с другой – им было выгодно, что с караваном идет больше народу. Чем многочисленнее караван, чем менее легкой добычей представляется он сеньорам – тем безопаснее будет путь. Ну и одиночки, идя с караваном, получают защиту – а взамен они вкалывают на купцов. Словом, благодаря своим талантам я выделялся среди двух десятков путников, плывших вместе с торговцами. Прощаясь, старшина каравана протянул мне медную монету и предложил наняться к его хозяину на постоянную работу. Снова вернуться в Ливду? Ну уж нет! Мой путь лежал в Геву, в славный город Ренприст. Я поблагодарил караваника, как мог вежливее отклонил его предложение и попросил помочь добраться из Энгры дальше – в Ванет. Тот пристроил меня в небольшую партию, отправлявшуюся с речной баркой в Кроличью Падь, городишко на границе с Ванетом... Так, приставая то к одному, то к другому каравану, я пробирался на восток. По пути где только можно подслушивал и подглядывал, узнавал заклинания. Сам не знаю, почему я не стал действовать обычным путем, почему не попросился в ученики к какому-нибудь колдуну? Почему стал прятать свой Дар? Наверное, сыграла роль моя привычка к одиночеству. Я с малолетства приучил себя к скрытности. У меня никогда не было настоящих друзей, да и семьи не стало слишком рано. На улице меня дразнили «приблудой». Кем был мой отец, не знал никто, моя мать умерла, когда мне было только девять лет, и унесла в могилу этот секрет. Насколько я помню, мама была скрытной и замкнутой женщиной и меня воспитывала в таком же духе. После ее смерти меня взял к себе в дом вдовец сапожник, который трижды сватался к маме и всякий раз получал отказ. Он был добрым человеком и, пожалуй, неплохо ко мне относился, но родным я ему все-таки стать не мог, тем более что у него были свои дети. К тому же я слишком рано понял, что обладаю неким даром, отличающим меня от большинства моих земляков и сверстников. Вероятно, моим отцом был какой-то бродячий маг – говорят, Дар передается по наследству. Да, какой-нибудь бродяга, вряд ли он даже запомнил маму – одна ночь или несколько, всего лишь эпизод в странствиях, а вот мама до самой смерти не могла его забыть и хранила верность

воспоминанию о коротком счастье. Должно быть, я никогда не узнаю правды о своем отце, да и какое это имеет значение?

* * *

Сегодня я запер лавчонку еще за полчаса до того, как стражники закроют на ночь ворота, меня ждали кое-какие дела. Однако ускользнуть незамеченным не удалось. Эрствин словно знал, что я закончу раньше обычного. Он уже поджидал в тени городской стены напротив. Стоял, поигрывая тесьмой пояса и настороженно поглядывая вокруг. Правильно, Восточные ворота – не слишком подходящее место для прогулок в одиночку для таких, как он. Мне не хотелось задерживаться здесь и привлекать внимание, но ничего не поделаешь, Эрствин все-таки мой приятель – единственный, пожалуй, настоящий приятель в этом прогнившем городе. Нашей дружбе не мешает разница ни в возрасте, ни в общественном положении. Эрствину двенадцать лет и он – сын Вальнта, барона Леверкоя.

– Привет, Эрствин! Какие новости? Пришел ответ из Энгры?

– Привет, Хромой. Ответа нет. Но зато папа узнал новость – его величества нет в Энгре.

– Вот как! А я слышал, что он только недавно вернулся ...

– Ага. А потом опять подался в Ванетинию и забрал с собой всех, кого только мог. Так что в Энгре нет сейчас вообще никого, кто мог бы не то что ответить – кто мог бы просто прочесть папино письмо.

– Да-а... Интересная новость. И почему же его величество так спешно покинул свою столицу? Об этом ничего не слышно?

– Говорят, узурпатор Алекиан выступил из Гонзора с большим войском. Будет битва.

– Послушай моего совета, Эрствин. Пока эта битва не закончилась, постарайся не называть в разговоре Алекиана самозванцем, а Велитиана – императором, хорошо?

– Да я знаю, Хромой, знаю! Мой отец говорит то же самое. Но я ведь только тебе...

– И мне тоже. Ты же знаешь, что здесь у стен есть уши? Ладно, Эрствин, мне пора идти. Постарайся, пожалуйста, узнать поподробнее, что там происходит в Энгре и Ванетинии. А завтра поговорим. Хорошо?

– Ну, хорошо-о... – мальчишка был раздосадован.

Ясно же – он принес мне важные новости, ему хотелось обсудить их. Кроме как со мной, ему не с кем больше поговорить – во всяком случае, поговорить всерьез.

– Эрствин, мне сегодня в самом деле кое-что предстоит сделать. Мне очень интересно, что ты узнал о событиях в Имперских делах, но сегодня... – я глянул Эрствину в глаза из-под своего капюшона. Он так жалобно смотрел на меня, что я не выдержал, – ...А впрочем, идем. Мне все равно нужно еще перекусить. Так что поговорим по дороге, согласен?

– Ладно!

Эрствин сразу просиял – должно быть, маялся целый день, ожидая этой встречи со мной, как праздника. Я его прекрасно понимаю. Целый день он вынужден ошиваться в Доме Совета с отцом. Ни друзей, ни развлечений. Занятие не из веселых для двенадцатилетнего парня, но выбирать ему не приходится. Его папашу, барона Леверкойского, вышибли из собственного замка сбившиеся в стаю окрестные дворяне. Им вечно мозолил глаза богатый замок императорского вассала, лежащий между их нищими ленами. Едва пронесся слух о бунте в Ванетинии и смерти Элевзиля II, как они тут же сговорились против барона. Я не думаю, что этот союз был прочным, враги Леверкоя наверняка передались сразу же, едва барон сбежал. Эти разбойники не могут поделить без драки и меньшую добычу, чем баронский замок...

Словом, так или иначе, а барон со своей семьей торчит сейчас в Ливде, как гость Совета, получает мизерное содержание и напрасно просит о помощи. Никто не окажет ему ни малейшей поддержки, пока не станет ясно, что Империя все-таки выжила. Глава Совета, наш хит-

роумный мастер Лигель, не желает ссориться ни с кем – это его фирменный почерк. Он не прогонит сэра Вальнта, барона Леверкоя, чтобы не осложнять отношений с ним, буде новый император вступится за обиженного вассала и вернет ему замок, но и не даст злополучному барону ни гроша – дабы потом ни в коем случае не держать ответа перед сегодняшним владельцем Леверкоя, кто бы это ни был. Отбить Леверкой, скорее всего, не сложно и, скорее всего, под силу предприимчивому дворянину с несколькими десятками солдат... Помочь Вальнту вполне во власти главы Совета. Но... Мастер Лигель и пальцем не шевельнет, пока не убедится, что помогает более сильной стороне. Кров и стол он предоставил барону и его семье – естественное проявления сердобольности. Еще он не отказывает изгнаннику в пергаменте, перьях и сургуче – злополучный барон пишет и пишет жалобы. В Энгру королю Метриену, в Ванетинию – Велитиану, по слухам занявшему ныне престол, сантлакскому епископу в его резиденцию, в Верн – командиру самого крупного в Сантлаке имперского гарнизона, еще пишет знакомым ванетским графам... Бесплезная переписка – никому нет дела до какого-то барона из провинции, когда в Мире происходит такое...

Эрствин вынужден вместе с отцом торчать на заседаниях Совета, присутствовать при торжественных выходах, постоянно вертеться на глазах у ливдинских синдигов, словно немой укор. Почетные гости города, как же, как же...

Мальчишка когда-то забрел в мою лавку, чтобы обменять старинную монетку. Монета была интересной, я прочел ему короткую лекцию о том, кто, где и почему велел выбить на реверсе столь странный герб, его это заинтересовало. С истории старинной монеты и началось наше знакомство, со временем переросшее в настоящую дружбу. Мы с Эрствином во многом похожи – две одинокие души, затерянные в огромном умирающем городе. И не нужно обманываться его нежным возрастом – Эрствин достаточно много повидал в жизни, а ума у него хватает для того, чтобы наблюдать, замечать и делать выводы. При нем часто выбалтывают достаточно интересные секреты, не опасаясь, что мальчишка сможет понять. Эрствин понимает, а если не понимает – спрашивает у меня. Таким образом, я в курсе многого из того, что происходит в нашем городском доме Совета. Но я вожу компанию с юным сэром Эрствином вовсе не из-за выгоды, вернее – не столько из-за выгоды. Мальчишка в самом деле близок мне, он – единственный в Ливде человек, понимающий меня и один из немногих, знающих мой секрет. Как правило, я очень тщательно скрываю свой Дар.

Глава 2

Мы с Эрствином дошагали до «Шпоры сэра Тигилла», я – тяжело опираясь на свою палку, Эрствин – вприпрыжку, то и дело обгоняя меня. Заметив, что я немного отстал, мальчишка останавливался и поджидал меня с виноватой улыбкой на лице, затем он минуту-другую старательно пытался выдерживать мой темп, но тут же вновь машинально прибавлял шаг, не прекращая болтать. Что ж, в его возрасте ходить медленно мне тоже было тяжело... Я пригласил его в харчевню перекусить со мной, он согласился. Эрствин еще не научился в подобных случаях вежливо, но гордо отклонять приглашения. Ну, позже научится... Пока что он не понимает, что наследнику древнего рода негоже сидеть в грязном кабаке за одним столом с каким-то менялой, и тем более – принимать от него угощение. Мальчик просто был рад возможности еще немного побыть в моем обществе. Еще, мне кажется, ему интересно разглядеть хоть раз как следует мое лицо, а во время еды я немного откидываю капюшон. Детей всегда почему-то влечет уродство – да и я в возрасте Эрствина тоже не был исключением. Но в «Шпоре сэра Тигилла» темно, а я обычно выбираю дальний столик в углу. Удобный столик, я могу спокойно сидеть лицом к двери, да к тому же отсюда легко шмыгнуть за стойку, а оттуда – на кухню. Из кухни черный ход ведет в захламленный дворик, а дальше, за ним – темные закоулки и городские трущобы. Там легко скрыться, уйти от погони. Человеку, ведущему такой образ жизни, какой веду я, не следует пренебрегать правилами осторожности. Мне, правда, еще ни разу не приходилось воспользоваться черным ходом старины Керта-трактирщика, но... Как-то само собой получается, что я держу все это в голове, жизнь приучила.

Эрствин быстро справился с сыром и похлебкой и, как обычно, принялся вертеться на скамье, норовя украдкой заглянуть под мой капюшон. Я сделал вид, что не замечаю его бестактности... Меня все зовут сейчас Хромым, а если бы я не носил капюшон – наверняка бы прозвали Кривым или Меченым, из-за здоровенных шрамов в пол-лица. Я не люблю, когда кто-то рассматривает мое лицо. Люди при виде этого уродства либо брезгливо отворачивались, либо принимались деланно-сердобольно кивать – противно! Подумаешь, шрамы. Если бы они могли видеть те отметины, что остались в моей душе... Я доел, дослушал наивные разглагольствования Эрствина по поводу планов его папашы и, перехватив взгляд Керта, поманил его пальцем. Кивнул толстяку на оставленные на столе монеты и тяжело поднялся, опираясь на палку.

– Ну, Эрствин, мне пора. Спасибо за компанию, идем, я провожу тебя до перекрестка.
– Спасибо за ужин, – мальчик вспомнил о манерах, – только давай лучше я тебя провожу.
– Нет, друг мой, ты прекрасно знаешь, что благородному дворянину, такому, как ты, негоже появляться у моей берлоги. К тому же темнеет. Тебе пора.

Да уж, мое пристанище находится в такой части города, куда юным господам весьма опасно соваться темными вечерами. Я проводил мальчика до перекрестка, с минуту подождал, пока он не свернул на улицу Колесников, ведущую к «чистой» части города, махнул в ответ на его прощальный жест. Затем постоял еще минуту, прислушиваясь. Было довольно светло, но уличная шваль уже могла начать свой промысел. Нет, все было тихо. Я не спеша побрел к своей хибаре. Пока добрался, уже порядком стемнело, на улицах было пустынно и мои шаги, сопровождаемые постукиванием клюки, гулко отдавались эхом в пустых дворах...

– Эй, убогий, слышь-ка, стой, – раздался за спиной неприятно-гнусавый голос.

Я обернулся. От тени дома отделились две фигуры.

– Слышь, убогий, погоди-ка...

Я шагнул им навстречу, поудобнее перехватывая палку. Почему-то люди прежде всего замечают мою хромоту, а уж затем – мою тяжелую клюку. Непростительная опрометчивость.

– Э, да это Хромо-ой... – протянул приятель гнусавого, – идем, Клещ.

– Но... – начал было Клещ, однако напарник схватил его за руку и насильно увлек за собой.

Тени снова растворились в темноте под стеной дома. Не знаю никого Клеща, да и другого я тоже не помню – однако он меня определенно узнал. Ну и Гангмар с ними, даже лучше, если кто-то подтвердит, что я вернулся домой из харчевни. Не исключено, что мне понадобится алиби, причем – именно из уст таких вот «клещей». Сегодня ночью, кажется, предстоят довольно опасные приключения. До дома было уже недалеко и я добрался, никого больше не встретив. Сделав вид, что опираюсь рукой о стену (мало ли кто может наблюдать за мной – ну хотя бы из дома напротив), я на самом деле прикоснулся к защитному амулету в дверном косяке и отключил охранное заклинание, а затем уже отпер замок. Кажется, заклинание в порядке, никто не пытался ко мне проникнуть. На замок надежды мало, он способен помешать лишь наиболее честным из граждан Ливды, любой мало-мальски практичный человек отпер бы его без труда. Заклинание всяко лучше. Я толкнул дверь – она со скрипом распахнулась – затем прислушался и принялся, осторожность не бывает излишней в этом прогнившем городе. Да нет, вроде все в порядке, можно войти. Ну вот я и дома. Теперь запереть дверь, проверить окно. Порядок. Я нагнулся за кроватью в углу, нащупал тайник в стене и поместил туда мешочек с монетами, отстегнув его от пояса. Деньги – мой ежедневный рабочий инструмент, но этой ночью мне предстоит несколько иная деятельность, нежели валютный обмен. Я извлек из тайника завернутые в тряпку колдовские снасти. Ну, вроде все. Можно идти на работу.

* * *

На дорогу до Ренприста ушло еще около месяца. Никаких особых приключений не было, просто я старался быть осмотрительным и не рисковал оправляться в путь с ненадежными попутчиками. Ну и никогда не странствовал в одиночку, уж на это у меня хватило благоразумия. По дороге я смотрел, слушал, если удавалось – воровал. Но этим я занимался изредка, с большой неохотой и крайне осторожно. До сих пор не понимаю, почему я не стал действовать обычным путем – не пошел в ученики к какому-нибудь колдуну. Ну, пришлось бы несколько лет носить ученический капюшон – что ж тут такого?.. Но вот втемяшилось мне в голову, что я не должен раскрывать пред посторонними свой колдовской дар. Вообще-то, способности у меня невелики. Сказать по правде, как колдун я немногого стою, зато если к прочим умениям присовокупить толику магии – это существенно повышает мои шансы. Так что, возможно, в этой детской скрытности было куда больше смысла, чем кажется. Но, видать, от судьбы не уйдешь – кончилось все тем же самым – капюшоном. Я никогда не снимаю на людях свой капюшон...

На входе в славный городишко Ренприст я заплатил медный грош – как все. Позже, став менялой, я часто задавался вопросом, куда ренпристская община девает такую гору медяков. Профессиональный интерес, так сказать. Каждый день сотни медяков поступают в городскую казну из кружек привратников. Летом, пожалуй, и по тысяче в день, да нет, больше, гораздо больше... Должно быть, у них есть постоянный контракт с оптовиками, с какой-нибудь крупной меняльной конторой при гевском дворе. Но в тот день, когда я впервые опустил свой грошик в грязную облупленную кружку ренпристского привратника, меня волновали совсем другие вопросы. Я впервые увидел знаменитое здание с вывеской «Очень старый солдат» и был потрясен его гигантскими размерами. Я впервые шагнул под эти легендарные своды... Помню, сердце билось и трепетало в ожидании чуда... А чуда не произошло. Ренприст не заметил меня, еще одного наивного юнца, приведенного сюда глупыми надеждами. Меня даже не «проверяли на гниль», как это называют солдаты. Никто в зале не пытался меня оскорбить, спровоцировать, хотя с другими новичками частенько это проделывали. Теперь-то я понимаю, что это отсутствие ко мне интереса на самом деле было более унижительно, чем «проверка

на гниль», после которой новичок становился своим в большом зале «Очень старого солдата». А меня просто не замечали. Это было обидно и даже опасно – у меня кончались деньги, а воровать в Ренпристе я не решился. Наконец, когда я уже совсем отчаялся, мне подвалила удача. Лето было в разгаре, наемники требовались многим сеньорам – и я попал во временную команду, набираемую каким-то городишкой. Как же он назывался? Кажется, Вердель. Да, Вердель. В то лето на городок регулярно устраивали налеты люди графа Анракского – того самого, что, говорят, сгинул перед самым началом этой заварухи в Империи. Вот горожане и решили увеличить число постоянно вооруженных людей. Они наняли тогда в «Солдате» около сотни человек – новичков вроде меня. Мы стоили недорого, и к тому же договор подразумевал выплату большой премии в конце службы при очень небольшой ежедневной оплате. Забегая вперед, скажу – граждане славного города Верделя здорово сэкономили на этой сделке. В Ренприст к осени мы вернулись вчетвером – из сотни без малого человек. Человеческая жизнь в Геве стоит не больше, чем в любом другом месте. То есть примерно столько, сколько вход в Ренприст – медный грош.

Итак, служба в Верделе. Мы круглосуточно несли стражу на стенах, четырежды отбивали серьезные приступы людей Гезнура Анракского, ремонтировали стены после штурмов. В промежутках между этими боями было еще несколько мелких стычек, охрана обозов, а также две больших драки с подвыпившими вердельскими мастерами в городском кабаке. К слову сказать, во время такой драки мы тоже потеряли одного из наших... У кого-то из местных оказалась тяжелая рука...

Я, наверное, на всю жизнь запомнил первый свой бой. Ночью мы заступили в караул, я задремал на стене – прямо в том месте, которое мне было указано оборонять... Разбудили меня крики. Ночь пылала – стрелы с горящими тряпками, факелы под стеной. Мой сосед, такой же мальчишка-новичок, как и я, что-то заорал, указывая пальцем вниз, и тут же пылающая стрела угодила ему прямо в рот. Крик оборвался, парень опрокинулся с парашюта вниз. А под стеной снаружи суетились солдаты в кольчугах и шлемах, они поднимали лестницу, чуть в стороне подкатывали таран, защищенный навесом... Их суета едва угадывалась в темноте по отблескам на доспехах. Сказать по правде, я растерялся. Стрелы летели довольно густо, прорезая темно-синий бархат ночи оранжевыми искрами, крики неслись отовсюду. Никто не отдавал команд, на какой-то миг мне показалось, что я предоставлен сам себе, что я наедине с этой ночью. Но нет – вот тяжело загрохотали шаги – с десятков горожан спешили к тому участку стены, где по лестнице вот-вот должны были начать подниматься анракские солдаты. Я вышел из ступора и, схватив один из заранее приготовленных камней, швырнул вниз. Вряд ли я кого-то пришиб, но некоторую уверенность это мне вернуло.

* * *

Так. Пора идти. Обух ждать не любит. Обух – главарь воровской шайки, подмявший под себя добрую четверть города. В том числе – и «мой» квартал. Он – второй человек в Ливде, знающий мой секрет. Тут уж я бы предпочел, чтобы Обух знал обо мне поменьше, но... Взамен на «покровительство» я выполняю для него время от времени кое-какую работенку. Вот и сегодня я должен что-то сделать по его «просьбе». Когда Обух просит – отказывать нельзя, тем более, что мне он даже платит. Мог бы и не платить, но платит. Особенно опасно говорить ему «нет» сейчас, когда у него возникли большие проблемы с ростовщиком по кличке Тощий.

Тощий начал как обычный аферист и даже, говорят, некоторое время исправно платил Обуху. Но вот теперь он стакнулся с Мясником и одновременно сманил Неспящего. Мясник – громила, когда-то он и в самом деле забивал скот, пока не сообразил, что за людей платят больше, а дело-то, в сущности, то же самое. Он чудовищно силен, да вдобавок питает слабость ко всяким амулетам и заговоренным талисманам. Он всегда увешан этим барахлом с головы

до ног и кое-что из его магического арсенала – довольно мощные штучки. А Неспящий – маг. Хороший, сильный маг – настолько хороший, что работал до недавнего времени легально. Так вот, наш Тощий выдал дочку за Мясника, так что парень теперь ему родня и стоит за тестя горой. А силен он настолько, что с ним вряд ли справится и десяток лучших головорезов Обуха. Особенно теперь, когда для него готовит амулеты Неспящий. Этому колдуну Тощий посулил процент с прибыли и Неспящий теперь тоже предан ему, как пишут в романах, душой и телом. При такой поддержке Тощий сильно потеснил Обуха и даже отобрал у моего «друга» несколько весьма прибыльных «точек», которые издавна платили дань Обуху. Атаман пытался действовать привычными методами и только зря потерял несколько человек – Мясник оказался ему не по зубам. К самому же ростовщику подобраться оказалось и вовсе невозможно, Неспящий прикрывал его крепко. От всего этого Обух просто взбесился и любой отказ мог воспринять как личный вызов. Так что я вынужден был согласиться ему помочь... Хм, помочь... Я прекрасно понимал, против кого будет направлен сегодняшней ночью рейд Обуха, а привлекать внимание Неспящего мне бы очень не хотелось. Не моего уровня это противник. Но делать было нечего.

Я еще раз пощупал сквозь плотную ткань свои «инструменты», приготовленные к этой ночи заранее, и подвесил мешочек к поясу. Затем осторожно распахнул окно. Петли были смазаны хорошо и не скрипели. Несколько минут я прислушивался и приглядывался к замершему темному переулку. Как будто никого, отлично. А теперь – прогулка по крышам. Я сел на подоконник, подтянул ноги. Встал, не выпуская из рук палку. Приподнявшись на цыпочки, положил свою клюку на крышу, а затем полез туда сам. Я проделывал этот трюк не впервые и все прошло гладко. Поднявшись на плоскую крышу моей хибары, я лег на живот и при помощи палки затворил окно. Для всей Ливды я сейчас сплю дома сном праведника... А теперь – в путь! С моей крыши я осторожно перебрался на соседнюю, оттуда – на крышу дома пекаря, с которой, как я уже много раз убеждался, легко спускаться – там во дворе всегда штабелем уложены поленья. До самой крыши, потому что пекарне дрова нужны и летом. Ну а оттуда я уже двинулся обычным порядком – по земле. На клюку я не опирался, неся ее прижатой к телу, так что в темноте меня вряд ли можно было опознать. Осторожность не помешает.

На место я успел как раз вовремя. Выйдя к перекрестку улицы Кожевников и Старого переулка, тихо свистнул. В ответ раздался такой же тихий ответный свист. В нише соседнего здания меня поджидал человек. Плотный приземистый крепыш – это явно был не Обух, тот гораздо крупнее. Приглядевшись, я узнал Хига Коротышку. Вообще-то темно было, хоть глаз коли, но я неплохо видел благодаря предусмотрительно надетому амулету.

– Привет, Коротышка. Где Обух?

– Стережется Обух, – недовольным тоном объяснил Хиг, – велел мне тебя встретить, все рассказать и помочь, ежели что. А потом, как ты справишься – так и он пожалует. Я позову.

– Ладно, – я пожал плечами, – чего делаем?

Хиг засопел и как-то неуверенно повел плечами. Я ждал. Наконец он выдавил из себя:

– Не мое дело думать... Я чего? Я – как Обух скажет. Только не по душе мне это... Тощего он решил – того. Ну, этого, значит. Прямо у него же на хате. Чтобы все знали. Ты должен дверь открыть.

Ясно. Все ясно. Того-этого. Чтобы все знали. Дверь открыть. Конечно, дверь в доме Тощего заговорил Неспящий, причем заговорил крепко. Ну, это ладно – дверь я, допустим, открою. А кто нас будет ждать за дверью? Мне бы очень не хотелось встречаться с Мясником или Неспящим. Даже если они сейчас дрыхнут – Неспящий не зря получил свое прозвище, а у Мясника вполне может оказаться достаточно хороший охранный амулет. И тогда то, что сам Обух не желает показываться, пока я не справлюсь с замком, начинает выглядеть очень паршиво. Но делать нечего, отказать Обуху невозможно. Вслух я спросил:

– Мясник? Неспящий?

– Мясника нет в городе. Он купил дом где-то в Гавахе и сегодня поехал туда со своей молодой. А Неспящий напился вусмерть и дрыхнет у себя.

– Вот как? – вообще-то это подозрительно, что оба оказались не при делах так одновременно, но... – ладно, идем, что ли?

– Ага. Идем.

Глава 3

Я предоставил Коротышке идти первым – когда дело касается не магии, а обычных премудростей жизни в этом паршивом городе, Хиг мог дать мне сто очков вперед. Дом Тощего находился в «чистом» районе, то есть теоретически мы могли еще нарваться и на патруль стражников, хотя это была далеко не самая большая опасность из тех, что грозили мне сегодняшней ночью – но лучше, чтобы Коротышка шел первым. В квартале от цели Хиг велел мне подождать его и растворился в темноте. Спустя пару минут послышался тихий стук, шорох. Из-за угла высунулся Коротышка и поманил рукой. Вдвоем мы приблизились к хоромам Тощего, Хиг кивнул мне куда-то под стену дома напротив – там в темноте угадывались очертания неподвижного тела.

– Этот парень – один из ребят Тощего, – шепотом пояснил мой спутник, – пока Мясника нет в городе, Тощий осторожничает, охрану поставил.

Вдвоем мы подняли незадачливого часового и оттащили в подворотню. Кстати, он был жив. Хиг мне всегда нравился, он не любит убивать без нужды – редкое достоинство в наше время. Затем я вернулся подобрать свою клюку, а Хиг подкрался к входу в дом Тощего и прислушался. Прикасаться к двери он, разумеется, избегал – мало ли какие подлые штучки мог использовать Неспящий, когда зачаровывал вход. Я, стараясь не стучать и не топтать, присоединился к Хигу.

– Дело плохо, – заявил он, – в доме кто-то не спит. Я слышу.

Немного странно, не спит и не поднимает тревоги? Странно. Но слуху и обонянию Коротышки я доверял. Я подумал с минуту и объявил:

– Ладно, дальше я попробую один. Отвали и пошустри вокруг, стража может пройти. Если что – я свистну, так что далеко не отходи.

– Ладно, – Коротышка отступил во тьму.

Ловкий он, ни звука не издает. Хорошо, когда обе ноги в порядке... Я осмотрел дверь, защитные заклинания были хорошо ощутимы. Но Хиг сказал, что в доме кто-то не спит... Я подумал еще немного. Собственно, мой скудный арсенал предоставлял мне не такой уж большой выбор. Я достал тонкую медную трубочку, один конец которой был сплюснут. Отыскав достаточно широкую щель между дверью и косяком, вставил туда плоский конец трубки и дунул. Маг, у которого я стащил это заклинание, называл его «дыханием Гергуля Старого». На самом деле это было слабенькой подделкой под усыпляющие чары Гергуля, если, конечно, молва об этом великом маге не врет. Но ничего лучшего у меня не было. За дверью, почти у самого моего лица, послышались шумные вздохи, перешедшие минут через пятнадцать в равномерное сопение. Говорят, настоящие чары Гергуля действуют почти мгновенно... Однако каков неведомый сторож! Он, судя по звукам его дыхания, находился под самой дверью и ждал, не издавая ни звука! Ждал, пока я открою дверь? Ждал меня? Просто спокойно ждал? Однако...

Послушав немного равномерные выдохи, я осмотрел дверь еще раз, более основательно. О том, чтобы разрушить чары на замке, нечего и думать... Так, петли. Петли тоже зачарованы. Стоп! Здесь магия довольно слабая и к тому же мне незачем ломать эти петли. Если засов сидит в не слишком узком гнезде... Да, это был мой шанс! Я достал ножик и для пробы попытался поддеть гвозди, которыми крепились петли. Разумеется, те гвозди, что в дверях, я и не думал трогать, хотя они были послабее на вид. Все, относящееся непосредственно к двери, было зачаровано так, что мне потребовалось бы не меньше суток, чтобы одолеть магию Неспящего. А у меня не больше часа – или я не знаю Обуха. Ладно, займемся креплением петель к косякам. Минут через сорок я уже был мокрым от усилий, но большая часть дела была выполнена. Я лишил силы чары на косяке и даже на пробу вытащил один гвоздь. Разумеется, не без

помощи магии, дверь у Тощего была – будь здоров! Проблема заключалась в том, что я должен был действовать бесшумно. Наконец гвоздь вышел. Дальше физическая сила Хига могла пригодиться больше, чем все познания в тайной науке. Свистом я подозвал моего сегодняшнего напарника. Он возник из ниоткуда настолько бесшумно и ловко, что я ему опять невольно позавидовал. Когда я знаками объяснил, что нужно делать, он в ответ с сомнением покачал головой и потрогал свое ухо – мол, шуму наделаем. Я энергично указал ему на дверную петлю и поднял ладонь с болтающимся на ней амулетом – все будет в порядке. Это был один из моих любимых «инструментов», при помощи этой штучки можно было погасить звуки. Незаменимая вещь в ночных предприятиях! Едва увидев мою цапку на веревочке, Хиг согласно кивнул и шагнул к двери. Мы с Коротышкой «работали» в паре не в первый раз и он уже был знаком с действием амулета. Я сунулся было показать Хигу, как я ножиком поддевал первый гвоздь, но он решительно отстранил меня и вытащил откуда-то из своих засаленных шмоток здоровенный кинжал. Как пользоваться моим амулетом он уже знал, поэтому решительно затянул тесемки на запястье и взялся за дело. Чтобы занять себя хоть чем-то полезным, я вновь принялся дуть из «трубки Гергуля» в щель. Магия в амулете почти иссякла, а я уже был не в состоянии заряжать трубку заново. Тем не менее, какая-то толика чар все же должна была еще действовать.

Минут через двадцать Хиг легонько хлопнул меня по плечу. Он вытащил последний гвоздь. Я на всякий случай подсунил конец своей клюки под дверь и навалился на нее плечом – мало ли что, вдруг дверь свалится. Хиг поочередно пошевелил кинжалом обе петли, отдирая их от косяка. Амулет на его запястье действовал безотказно – ни звука я не услышал. Используя клюку как рычаг, мы медленно двинули дверь, вытаскивая засов из гнезда. И тут я понял, что прозевал еще одно заклинание. От замка куда-то тянулась невидимая ниточка. Если она ведет к сигнальному амулету в спальне Тощего... Да нет, нить идет куда-то наружу. Должно быть, к самому Неспящему. Ну, если он спит пьяный... Да и вообще непонятно, на что это заклинание должно реагировать – замок-то цел. Так что, может, ничего страшного...

* * *

Еще несколько вердельских ополченцев протопали мимо меня, я догадался, что анракцев совсем немного и главная опасность – там, где они ставят лестницу. Там вердельцы и готовили им отпор. На нас, новичков, особой надежды не было, вот их старший и собирал более надежных бойцов – своих земляков. Я успокоился: врагов встретят горожане и мне не придется особо рисковать. Главное – не получить стрелу, как мой незадачливый сосед. Приняв это благоразумное решение, я поднял следующий камень и осторожно выглянул из-за зубца стены. Лучники сместились ближе к лестнице. Они, видимо, уже выполнили свое первоначальное задание – произвели панику, сняли стрелами тех, кто растерялся, а теперь им предстояло прикрывать иттурмующих. Криков стало меньше, я даже слышал, как стрелы часто цокают о кирпичи и изредка – с более звонким лязганьем – попадают в щиты и шлемы горожан. Так и не найдя никакой цели, я все же швырнул камень вниз наугад, затем спрятался за кирпичный зубец и прислушался. Лестница уже была приставлена к стене, и горожане сопели и покрикивали, тщетно пытаясь отпихнуть ее. Что-то у них не заладилось. Шуриание и постукивание усилилось – стрелы посыпались гуще, анракцы готовились к иттурму. Кто-то завопил – в него угодила стрела, затем еще и еще. Горожане оставили попытки оттолкнуть лестницу и тоже взялись за луки, но, насколько я понял – совершенно бесполезно.

– Колдун отводит наши стрелы! – завопил кто-то на стене.

И тут я ощутил присутствие магии внизу – точно напротив меня. Это вражеский чародей, заняв позицию чуть в стороне от центра событий, помогал своим. Совершенно не задумываясь, я швырнул в него очередной камень. Разумеется, колдуна так просто не убьешь, любой мало-мальски опытный маг, идя в бой, обеспечивает себе защиту. Но мой камень его

спунулся. Дальше все пошло очень быстро. Анракцы полезли на стену, их лучники по-прежнему засыпали стрелами гребень стены, метя правее и левее того места, куда прислонили лестницу. Наверняка маг снабдил их амулетами, позволявшими видеть ночью, да к тому же было полнолуние. Атакующие оказались гораздо лучшими солдатами, чем вердельцы, позже я узнал, что на приступ тогда шли наемники капитана Рориха. Однако им пришлось туго – позиция на стене давала вердельцам преимущество. Тем не менее, потеряв несколько человек, солдаты все же смогли влезть на стену. Несколько горожан, отступив в сторону, начали пускать стрелы в ожидающих солдат под лестницей, те были вынуждены сгрудиться и поднять щиты, колдун куда-то сбежал и больше не мог им помочь. Воины, колотившие в ворота тараном, тоже не добились больших успехов. Ворота они раздолбали, но горожане навалили каких-то бревен с внутренней стороны и заблокировали портал. Зато те, кто успел подняться на стену, действовали более успешно. Им удалось оттеснить защитников вниз по лестнице, а один из наемников, свалив вердельского ополченца, очутился прямо передо мной.

Из оружия у меня была только ржавая секира. Хмурый пожилой мужчина, заведовавший городским арсеналом, выдал ее мне и напутствовал такими словами: «Наточи как следует и постарайся не сломать. Рукоятка-то – вишь, какая старая. Мне ж потом чинить за вами, обормотами...» Моя жизнь была гораздо менее ценна, чем эта старая рухлядь – во всяком случае, для него. Другие новобранцы тоже получили дрянное снаряжение, которое именовать «оружием» можно было только с большой натяжкой. Как бы там ни было, я старательно привел лезвие в порядок, наточил и снабдил теми немногими заклинаниями, какие только знал. Свои упражнения в магии я, разумеется, скрывал от всех. Когда наемник из отряда Рориха шагнул в мою сторону, он, видимо, просто не заметил меня, скрючившегося в темноте над грудой булыжников. Мне всего-то и оставалось, что вытянуть ногу, когда он бежал мимо. С оглушительным (как мне показалось в ту минуту) грохотом и звоном наемник рухнул. Я вскочил и бросился к упавшему, он с руганью начал вставать – и тут я изо всех сил ударил его секирой. Я не успел ни прицелиться как следует, ни даже сообразить, куда я его хочу поразить своим оружием. Поскольку солдат как раз вставал мне навстречу – удар пришелся ему в голову и, как ни слабы были мои магические и физические силы, лезвие секиры все же разрубило шлем... Внизу, под стеной, затрубили рожки, приглашая к переговорам.

Тогда, в ту ночь, я мало что сообразил из происходящего, зато теперь хорошо понимаю, как развивались события. Поняв, что с налету ворваться в Вердель не удастся, командовавший штурмующими граф Гезнур решил прервать атаку и не отдал приказ своим латникам поддержать наемников. Вместо этого он предлагал вердельцам позволить тем солдатам, что уже были на стене, вернуться вниз, обещая взамен отступить и убрать лестницы и таран. Его предложение было принято.

* * *

– Ну, давай, – сказал я, когда стало ясно, что вход в дом открыт, – зови Обуха.

– Не-е, сперва глянем, – ответил Коротышка.

Отстранив меня, он осторожно приблизился к созданной нами щели. Он толковый парень, Хиг, очень спокойный и осторожный. И Обуху предан безмерно. Я понимал его – он боялся звать Обуха, пока не разобрался со всеми препятствиями, которые обнаружил. А в доме, как он знал, есть еще какой-то таинственный сторож.

С минуту Коротышка стоял у щели и прислушивался. Наконец осторожно заглянул внутрь. Ничего не произошло. Хиг потихоньку, очень медленно, начал протискиваться в щель. Я подумал – а что мне делать, если он не вернется? Я же не знаю, где ждет Обух. И что, если вдруг нагрянет стража? Но вскоре Хиг высунулся наружу, приложил палец к губам и потом поманил меня рукой. Я осторожно заглянул внутрь через плечо вора – благо его рост позволял.

На полу у самых ног Коротышки спал пес, анноврский волкодав. Об этих собаках ходили жуткие легенды. Что они, мол, необычайно умны, свирепы и сильны. Теперь я готов был поверить этим сказкам – ведь пес, учуяв и услышав нас, просто ждал, пока мы войдем. Он не собирался поднимать тревогу и будить хозяина – он не сомневался, что один справится с нами. Да, пожалуй, так оно и вышло бы – не будь у меня трубочки с «дыханием Гергуля Старого»...

Хиг склонился над спящим животным – медленно-медленно. Затем одно резкое движение – я видел, как его спина напряглась, мышцы рук даже вроде бы затрещали от натуги, когти пса царапнули по доскам пола (меня передернуло, по спине побежали мурашки), Хиг тихо всхрипнул. Затем он расслабился и тело зверя с легким стуком опустилось на пол. Я понял, что мой спутник одновременно схватил пса за ошейник левой рукой, а правой – всадил ему кинжал в ухо. Затем держал умирающую тварь, чтобы избежать шума. Должно быть, предсмертный рывок волкодава был чудовищно мощным, но Хиг справился. Я не мог бы ему помочь ничем, в коридоре было слишком тесно, да и лежала уснувшая собака у самого входа...

– Ну, вот теперь пора, – прошептал Коротышка и отстранил меня.

Я отодвинулся и дал ему выйти из дома. Он дружеским жестом слегка хлопнул меня по предплечью и пошел звать Обуха, а я остался поджидать его воровскую светлость и караулить сломанную дверь. Дав Хигу время отойти, я снова нырнул в щель. Меня заинтересовал ошейник пса. Так и есть – ошейник украшен металлическими бляхами и маленькими тускло светящимися камешками. Наверняка янтарь, а то и кое-что поценнее. Ошейник был снабжен заклинаниями, конечно – даже удивительно, что мне так легко удалось справиться. Стараясь не производить шума, я разрезал ошейник и вытащил его из-под мертвой собаки. Вытерев кровь о собачий бок, я свернул ошейник и сунул его в мешочек с инструментами. Не знаю, заплатит ли мне за сегодняшнюю работу Обух, но ошейник точно представляет собой немалую ценность.

Упаковав трофей, я выскользнул наружу. Вскоре пожаловал Обух в сопровождении семейных подручных. Он приблизился к двери, подбоченился и критически, как мне показалось, оглядел результат нашей с Хигом работы.

– И стоило так долго возиться?

Все правильно, атаман должен быть всегда слегка неудовлетворен, но я слышал по голосу Обуха, что он доволен. Затем его светлость обернулся ко мне и протянул мешочек. Я беспрекословно принял, мешочек был приятно тяжел и слегка звякнул у меня в руке.

– Ты даже не глянешь, что там? – осведомился Обух.

– Я тебе доверяю, – еще не хватало, чтобы я стал пересчитывать монеты прямо у взломанной двери да еще в темноте. Или, может, я могу с ним поторговаться?

– Там два келата, – пояснил атаман.

Сумма была куда крупнее, чем я намеревался получить. Обух дал мне слишком много – даже, пожалуй, несколько больше, чем заплатил бы за эту работу наемному взломщику. Мне же, повторяю, он мог бы вообще не платить. Это должно было что-то означать. Я молча ждал продолжения. Пауза затягивалась.

– Сегодня я хочу, чтобы ты вошел со мной внутрь, – наконец соизволил пояснить Обух, – мало ли что мог Неспящий соорудить там дальше. Так что сегодня ты мне понадобишься и внутри тоже. У тебя есть соответствующий опыт. Идем, Хромой!

Ну да. Конечно. Войти с ним внутрь. Того-этого. Прямо у него на хате. Я – идиот. Я думал, что дело ограничится акцией устрашения – убить собаку, подкинуть, к примеру, в спальню Тощему горшок с какими-нибудь особо противными змеями или еще что-то в этом роде. Я не учел, насколько сильно разъярен Обух, а он, оказывается, затеял карательную экспедицию. Конечно – поэтому он собрал своих лучших бойцов. Сейчас он разделается с Тощим – нагло, напоказ всему городу. Чтобы все в Ливде знали, что значит становиться на пути у Обуха. А я войду с ним внутрь и об этом будет знать куча народа. Больше мне не удастся разыгрывать роль ловкача с кучей амулетов, мой секрет станет известен всему гадюшнику под названием

Ливда. А завтра проспится Неспящий и еще вернется из Гавахи Мясник... Завтра в городе будет заваруха, максимум – послезавтра... Я отчетливо ощутил запах жареного.

Глава 4

Мне не оставалось ничего другого, как первым протиснуться в щель. Зачем я старался? За моей спиной дверь была убрана, дабы его светлости Обуху не пришлось утруждать себя. Он должен был войти в дом своего врага по-хозяйски. Я хотел было рывкнуть, что мы с Хигом специально не отодвигали замок далеко от его гнезда, что сейчас-то, возможно, как раз и нарушены связи между ними, что вот это и приведет в действие чары Неспящего, но... Что толку? Тупые дуболомы все равно ничего не поймут в моей магической тарабарщине, а Обух уже не думает о таких мелочах – он почуял запах крови. Мысленно махнув рукой, я пошел обследовать прихожую. Пару раз мне приходилось бывать в этом доме, Тощий приглашал проконсультировать его относительно реальной стоимости старых эльфийских келатов и потом из-за еще чего-то наподобие. Однако с тех пор многое изменилось – тогда Тощий был ничем не примечательным мелким ростовщиком, а теперь... Да, он перестроил свои хоромы... Ничего не скажешь, роскошно. А сегодня этой роскоши придет конец...

Ага, вот и заклинание – ничего существенного, ерунда. Тощий, видать, больше надеялся на пса, чем на магию – поэтому и охранные чары были плевые, рассчитанные на то, чтобы собака могла спокойно ходить по коридору, не тревожа заклинание. Так, идем дальше... На лестницах, как правило, заклинаний не ставят – но я на всякий случай проверил. В самом деле – чисто. На втором этаже – дверь. Никакой магии, ерундовый замок. За дверью – наверняка кто-то из громил Тощего, или я ничего не понимаю в этой жизни. Мне даже показалось, что я слышу храп. Ну а там где стража – там магии быть не должно. Я спустился вниз и обрисовал ситуацию Обуху. Он поморщился, когда я ему объяснил, что по коридору придется пройти, нагнувшись или проползти на четвереньках – там, где в чарах оставлен проход для волкодава. Если бы Обух стал пререкаться, я бы ему честно сказал, что у меня уже просто сил не хватит снимать охранные чары Неспящего, меня слишком вымотала дверь – но он не стал. И послушно опустился на четвереньки вслед за своими подручными. Когда дело касается магии, атаману не зазорно позабыть о своих графских замашках. Тут уж не до шуток. Я с Хигом остался внизу, а с Обухом наверх прошли более крупные парни. Вернее, Обух остался на нижних ступенях и оттуда скомандовал:

– Давай, Конь!

Конь, высоченный детина, обследовал дверь и с размаху ударил ногой. Раздался хруст. Тут же Конь и еще один громила навалились на дверь плечами. Дверь подалась – люди Обуха бросились внутрь. Послышались звуки борьбы, сопение, удары по чему-то мягкому. Визг, тут же заглушенный и перешедший в хрип... Я шумно сглотнул, представив, что там сейчас происходит. Мне приходилось бывать в настоящих сражениях, я ведь был солдатом – но это...

– Слышь, Обух, – окликнул атамана Коротышка, – может, пусть Хромой отваливает?

Все-таки, он славный парень, Хиг Коротышка. Я что-то промышал в поддержку его предложения. Обух оглядел меня, ухмыляясь.

– Ты решил уйти на самом интересном месте, Хромой? Разве тебе не хочется посмотреть, чего будет дальше?

В это время шум борьбы стих и раздался довольно громкий крик. По-моему, кричал сам Тощий. Он крупный мужчина, необычайно жирный и массивный. Хотя я никогда не слышал, чтобы он с кем-то дрался, мне кажется, что он очень силен. В любом случае – с шестью опытными головорезами ему никак не справиться. И я совсем не хочу «посмотреть, чего будет дальше».

– Ты думаешь, что можешь меня чем-то удивить, Обух? После того, что я видел в Геве и Болотном Крае?

– Я бы попробовал, – ухмыльнулся его светлость, – у меня есть кое-какие мыслишки на этот счет...

Терпеть не могу этой игры в крутых парней.

– Устал я очень, Обух. Да и шмотки нужно собрать, упаковаться.

Теперь пришел его черед заволноваться:

– Ты куда-то собираешься? С чего это?

– Хочу успеть до рассвета улечься. Пока Неспящий в себя не пришел и пока Мясника нет в городе.

– Да брось! Никто тебя не тронет. С Мясником я решу вопрос, а Неспящий... Куда ему теперь? Только ко мне под крылышко. Выбора-то у него нет. Не дрейфь, Хромой.

– Да? – мне бы его уверенность, – Ну так я тогда пойду? Всю ночь на ногах, спать охота... Да и вставать завтра рано, – мне все-таки не хочется, чтобы завтра было заметно, насколько я не выспался. Все предложения Обуха перейти к нему на постоянную работу и бросить «честный» труд менялы я отклоняю – а поэтому завтра, как обычно, появлюсь в своей лавке и буду обслуживать тех, кто въезжает в Восточные ворота Ливды с облагаемым пошлиной грузом, но не имеет местной монеты.

– Ну и ступай, – наконец соизволил отпустить меня Обух, – Гангмар с тобой. Если не хочешь повеселиться с нами...

Он назвал это весельем. «Повеселиться». Он сказал «повеселиться»... Да-а... Проклятый город!

* * *

Ночь прошла в тревожном ожидании. Горожане боялись подвоха – верность обещаниям в Геве считается слишком редкой добродетелью, чтобы вердельцы могли поверить на слово графу. Да и не только в Геве... Ну а я был занят делом. Я обобрал убитого мной солдата. Ничего особо ценного у него, разумеется не нашлось – ни драгоценностей, ни денег, если, конечно, не считать единственного медного гроша, который я обнаружил у покойника. Солдат носил монету в мешочке, подвешенном на шее. Можно не сомневаться – бедняга намеревался расплатиться этим грошом с привратником, вернувшись в Ренприст – и поэтому таскал с собой, словно некий талисман. Я-то хорошо знаю, чем отличается настоящий амулет от дурацкой причуды. А все эти медные гроши – предрассудки и наивный бред. Я, не задумываясь, кинул свой трофей в кошель и принялся снимать с покойного доспехи. Оружие и снаряжение убитого мной солдата я решил приспособить себе. На убитом была проклепанная металлическими бляхами кожаная куртка. Очень практичная штука, на мой взгляд – даже лучше, чем те дешевые кольчуги, которые могут позволить себе бедняки вроде меня. Куртка была мне великовата, но я ее все же надел, взял я себе и хороший пояс, и кинжал. Ну и меч, конечно. Потом у меня попытались было отобрать добычу городские, но выручил мой начальник – старый опытный солдат, которого вердельская община наняла, чтобы присматривать за нами. Его все называли Дубак – странное и, на мой взгляд, обидное прозвище, но сам солдат не возражал. Когда уцелевшие наемники Рориха спустились к своим и враг отступил от городских укреплений, Дубак прошел по стене, чтобы пересчитать своих подопечных. Он как раз подоспел вовремя, чтобы испугать нескольких нахальных вердельцев, которые уже совсем было собрались отнять у меня добычу. Те – молодые парни, скорее всего подмастерья – поворчали, пригрозили мне еще встретиться, но с Дубаком все же спорить не стали. Впрочем, они утешились тем, что раздели убитого мной солдата и сняли с него сапоги. Затем они просто сбросили обобранного покойника со стены.

А Дубак, внимательно оглядев прорубленный шлем и мой старый топор с выщербленным лезвием, кивнул в сторону копошащихся над трупом вердельских парней:

– Видал? Чисто стервятники... Ты понахальнее с ними будь, они тогда не станут лезть... Как же у тебя сил хватило-то? На вид и не скажешь, что ты такой здоровяк.

– Не знаю, господин Дубак, – промямлил я, – испугался я тогда очень. Должно быть, с перепугу...

То, что оружие было усилено чарами, я по-прежнему хотел скрыть.

– Ну и ладно, – солдату было не до того, чтобы интересоваться моими способностями, – ты вот что, ступай за мной и держись неподалеку. И сейчас, и после. Мне нужно, чтобы мне спину хоть кто-то прикрывал, случись вдруг какая заваруха. Лучшего, чем ты, я здесь вряд ли кого сыщу. Идем.

Я прошел с Дубаком вдоль стены, пересчитывая вместе с ним наших. В эту ночь мы потеряли двадцать шесть человек, девятнадцать – убитыми, семь получили такие раны, что было ясно – в бой они пойдут еще не скоро. Просто так потеряли – ведь мы даже в рукопашную не вступали, можно сказать. Их всех настигли стрелы. Дубак ругался и я его понимал. Он получал сержантскую плату, а должен был командовать большим отрядом неумелых новобранцев. Этот солдат был довольно черствым человеком, но бесполезная смерть соратников его раздражала. А их смерть была в самом деле бесполезной – кроме меня, никому из наемников не удалось нанести ущерб врагу...

Кстати, мы с Дубаком собрали оружие всех наших убитых соратников, чтобы его не растащили горожане. Ведь Дубак должен был за эту рухлядь отчитаться перед вердельской казной!..

Когда рассвело, мы со стены хорошо разглядели лагерь анракцев. Я удивился, врагов было очень мало – меньше полутора сотен! И этого войска мы боимся? Да ведь город сейчас может выставить четыре с половиной сотни бойцов, а то и все пять!

Хвала Гилфingu, у меня хватило ума держать язык за зубами и не высказывать вслух своих сомнений. Один из наших, молодой парень, вряд ли намного старше меня, не сдержался и спросил:

– Господин Дубак, а когда же мы на них ударим? Вылазку-то когда сделаем?

В ответ он заработал крепкую затрепину, сопровождаемую поминанием гангмаровых когтей и отповедью:

– В другой раз думай, дурачина, прежде чем пасть разевать! Вылазку он устроит! Да четверти этих латников хватит, чтобы перерезать всех здешних мастеров толстозадых, да и нас вместе с ними. Понял, олух? Четверти хватит! Потому что они солдаты, клянусь гунгиллиной ляжкой, а ты дурак. Эй, мальй, – это уже относилось ко мне, – бери весь этот хлам и шагай за мной.

Я послушно подхватил указанную мне связку оружия наших убитых товарищей и пошел за Дубаком в городскую оружейную. Мой топор Дубак велел мне пока оставить у себя.

– С мечом у тебя небось не выйдет, – пояснил он, – а топором, видишь, получается. Ничего, потом, как минута выдастся свободная, я тебе покажу, с какой стороны за меч браться нужно. А пока спрячь его, не то еще порежешься.

Так вот начиналась моя карьера наемника. Но самым главным итогом этой ночной схватки было не то, что я обратил на себя внимание Дубака. И, пожалуй, даже не то, что я впервые дрался в настоящей схватке и победил. Но – обо всем по порядку!..

* * *

Домой я возвратился еще затемно. По дороге срезал украшенные камешками бляхи с опейника, а сам опейник зашвырнул через забор в Львином переулке. За забором, как раз именно в той самой развалюхе, украшенной резным львом, давшим когда-то переулку название, жила одна жадная старушенция. Когда я был мальцом, она уже была дряхлеющей вздор-

ной бабой и мы с детьми сапожника частенько ее дразнили. Ее жадность была общеизвестна, так что я не сомневался – найдя украшенную тиснением полоску кожи, она припрятает ее подальше. Ну и в любом случае, никому не удастся узнать, как ошейник попал к старухе. А бляхи меня приятно удивили – при ближайшем рассмотрении они оказались серебряными. Серебро довольно низкопробное, относительно дешевое, но все же... К тому же они были заряжены кое-какими заклинаниями. Наверняка что-то, касающееся управления волкодавом. Эти твари, говорят, не признают новых хозяев и слушают лишь того, в ком как бы видят вожака. Такой сторож, как анноврский волкодав, может оказаться для хозяев опаснее любого бандита, если не обеспечить его послушание. Поэтому Тоший не поспешил на серебро, янтарь и даже пару изумрудов для ошейника. Ха – да моя добыча стоила едва ли не дороже, чем заплатил мне Обух! К сожалению, заклинания придется убрать, это слишком явная улика.

А вот как быть мне? Я взвесил все доводы – Неспящему и в самом деле некуда податься, кроме как пойти на службу к Обуху, это было бы вполне в его духе, да и вообще свойственно нашей братии – перейти на сторону победителя. Обух не даст ему процента с наvara, но платить будет сносно. То же самое касается и нескольких головорезов Тощего. Лучшие из них перейдут к Обуху (пусть и потеряв в «жаловании»), прочим придется смыться подальше или подыскать себе такую работенку, где они не станут привлекать внимания атамана. Оставался Мясник. Но его светлость сказал, что займется Мясником – «решит вопрос», так он выразился. В любом случае, Мяснику будет не до меня, да и не сможет он ничего разнюхать о моей роли в этом деле. Все не так уж и плохо. То есть мне лучше пока что просто не дергаться, но при случае разузнать, что происходит в банде Обука. Если он заполучит Неспящего, то, возможно, у атамана отпадет надобность во мне. Опасности для него я не представляю, в качестве добычи – неинтересен. То есть мне предоставят, скорее всего, заниматься мелкими аферами в своей лавочке и оставят в покое. Обух слишком жаден, чтобы совсем забыть обо мне. Меня он прибережет на всякий случай. Отличная перспектива – тихо и спокойно доживать... Нет! Догнивать свой век в этом гниющем городе. Ничего, едва лишь мне подвернется хоть мало-мальски надежный шанс – я постараюсь устроиться в этой жизни получше. Сегодня я неплохо заработал, Гангмар возьми... Еще бы несколько таких ночей...

С этими благими намерениями я доковылял до своей хибары и рухнул на кровать, сбросив лишь плащ и сапоги...

Спал я плохо. Мне снились оскаленная пасть волкодава и укоризненный взгляд Тощего, причем эти видения повторялись в различных комбинациях и сочетаниях. Под утро Тоший прямо спросил меня, чего плохого он сделал лично мне, что я привел на него погибель и, обратившись в громадного пса, набросился на меня, воя:

– Вода! Свежая вода! Прохладная вода!

Я разлепил веки. За окном орал водонос:

– Вода! Свежая вода! Грош за ведро! – и, энергично шлепая босыми пятками, катил свою неимоверно грохочущую бочку вдоль переулка.

Водонос спешил побыстрее миновать наш квартал и выбраться туда, где у него, возможно, действительно купят несколько ведер воды. А из моих соседей – вряд ли кто-то раскошелится. У них нет лишних денег и за водой они посылают детей. Переулок, в котором я живу, называется, кстати, переулком Заплаток. Вам говорит о чем-то это название? Должно говорить.

А водонос уже удалялся, крича и громя бочкой. Однако его появление, как обычно, означало приход утра. С руганью мои соседи принялись открывать пронзительно визжащие ставни и криками выгонять детишек в поход к колодцу на Малой Базарной площади. Ребяшня, тоже вопя и переругиваясь, потянулась из дворов к перекрестку. Сейчас они собьются в пронзительно верещащую и смеющуюся стайку и побегут за водой, размахивая ведрами и кувшинами...

Начинался новый день...

Глава 5

Очень хотелось еще поспать, но нужно было идти в лавку. Я со вздохами и кряхтением натянул сапоги, прихватил палку и плащ... И, распахнув дверь, замер на пороге. Меня осветили чудесные утренние лучи. Такой нежный, такой теплый и золотой свет солнце испускает только по утрам. Даже удивительно, что в самом затхлых и смрадных уголках Мира – таких, как переулок Заплаток – солнце может светить ярко и радостно, как... И сравнений-то не подыскать... Как в детстве. Да, лучше и не скажешь – как в детстве, когда каждое утро сулит начало нового, радостного и беззаботного, дня. Но мои-то дни как раз полны забот. Я запер дверь и пошел к Восточным воротам.

По дороге заглянул на Овощной рынок купить яблок. Там было довольно тихо, первые торговцы только-только начинали выставлять свой товар. Я быстро нашел толстую болтливую бабу, у которой обычно покупал фрукты. Она наверняка еще ничего не слышала о Тощем – иначе не молчала бы. Когда Ливда узнает о падении одного из бандитских «королевств» – шуму будет побольше, чем в прошлом году, когда Тотриник, можно сказать, обрушил местный рынок драгоценных камней. Да, шуму будет много...

Солнышко пригревало, мешочек с монетами приятно оттягивал пояс, там же лежали и камешки от собачьего ошейника – я собирался повозиться с заклинаниями, если будет время. В общем, это утро настраивало меня на благодушный лад. И я даже начал надеяться, что все обойдется.

Возле лавки уже ждал первый клиент – смутно знакомый крестьянин. Эту публику я никогда не обманываю в мелочах и иногда даже обслуживаю бесплатно – чтобы у них не было стимула разыскивать в Ливде моих конкурентов и пытаться узнать, насколько справедливы цены в лавке Хромого. Так что они всегда обращаются ко мне. Крестьяне боятся больших городов, а Ливда – очень большой город, хотя и грязный, конечно. Так вот, мужичье опасается забираться далеко в этот враждебный край, ему хорошо известен путь от Восточных ворот до Овощного рынка – и только. Вся остальная Ливда для них вроде как не существует. Поэтому они все – мои клиенты в том, что касается обмена звонкой монеты.

Вот и этот, сегодняшний, топчется у моей лавочки, с подозрением зыркает вокруг. И все время поглаживает свой карман. Что это его принесло ни свет, ни заря? Ведь городские ворота только-только открыли. Не иначе, как опять какая-то старинная монета. Увидев меня, мужичок обрадовался, ясно, что он спешит поскорее закончить дела – ну что ж, не будем заставлять клиента ждать. Я торопливо прожевал яблоко, вежливо поздоровался с «почтенным мастером» и пригласил его в лавку. Точно, у «почтенного» была старинная серебряная монета – довольно интересная и, кажется, очень древняя – во всяком случае, я не мог припомнить сходу, что это за штучка. Профиль владыки на ней вроде знакомый, но... Я покачал монетку на кончике пальца, затем – взвесил на изящных маленьких весах, разглядел внимательнейшим образом аверс и реверс... Крестьянин взирал на мои действия с огромным почтением. Он отыскал клад и уже раз двадцать прикидывал, наверное, как распорядится его стоимостью. Повезло мужичку. Наконец я протянул монету хозяину:

– Славная монетка, почтенный. Но купить я ее не могу. Не взыщите, – крестьяне очень ценят вежливость и я был предельно серьезен и полон почтения к этому мужлану.

– Это почему же? – о, сколько разочарования в этом голосе, сколько скорби!

– Ну-у, – я старательно вздохнул, привычно изображая сочувствие, – видите ли, в чем дело... Эта монетка не простая. То есть я вижу, она серебряная, серебро хорошего качества, рисунок виден четко... Все бы славно... Но...

Я выдержал паузу, а затем промолвил сурово:

– Это монета из Семи Башен. Известно ли вам, почтенный мастер, что это означает?

Еще бы ему не знать! Зловещие легенды о чародее из Семи Башен известны всей округе, моряки до сих пор боятся становиться на ночевку в бухте у Семи Башен, я уже не говорю о том, что никто не рискует селиться в тех местах.

– Что же мне делать? – со слезой в голосе спросил мой клиент.

– Ну, не знаю... Я бы оценил эту монету в пятьдесят пять – пятьдесят восемь грошей примерно. Но если я куплю ее, то потом не смогу сбыть с рук, ибо всем известно, что на серебро из Семи Башен наложено проклятие. Никто не купит. Если желаете, я расскажу вам, как разыскать в порту меняльную контору купца Хевера. Может, они... – я выжидающе глянул в глаза крестьянину.

– Не с руки нам в порт-то... – протянул тот, конечно не с руки, точно – этот дядя ни разу не был дальше Овощного рынка, – неужто никак нельзя?..

– Ну, есть, конечно, выход... – я ведь всегда готов помочь своему клиенту, это всем известно, – можно монету переплавить, но при этом она потеряет почти половину стоимости. Есть другая возможность, я могу свести вас с одним магом, он, возможно, не побоится расколдовать монету... Но только он дорого берет... Все же лучше переплавить, кузнецу нужно платить меньше. Почтенный мастер, я не хочу вас обманывать – монета стоит около пятидесяти – шестидесяти грошей, но я могу купить ее не больше, чем за двадцать. Ну, двадцать один... Но о нашей сделке никто не должен знать! Если станет известно, что я имею дело с серебром из Семи Башен!..

Мы ударили по рукам, причем оба остались вполне довольны заключенной сделкой. Особенно приятно то, что врать в общем-то и не пришлось. Больше у меня клиентов не предвиделось. Я оглядел улицу, распахнутые ворота, перед которыми прохаживается стражник... Пожалуй, можно вздремнуть. Я откинулся на своем стуле, прикрыв глаза... И тут же передо мной встал Тоций в образе гигантского пса... Он беззвучно разевал клыкастую пасть и колотил себя хвостом по мохнатым бокам...

* * *

Переговоры с графом закончились безрезультатно. Он требовал у вердельцев выкуп – относительно небольшую сумму, по получении которой обещал отступить. В сущности, он требовал немногим больше, чем стоила служба отряда Рориха, его светлость не желал понести ущерб, даже не добившись успеха. Горожане, в свою очередь, совершенно резонно полагают, что платить не следует – даже такую малость. Если граф получит выкуп один раз, то поведется вымогать того же снова и снова. К тому же Вердель не чувствовал себя побежденным. Тогда его светлость Гезнур изволил оскорбиться и заявил, что берет город в осаду. Это было невыгодно горожанам, ибо вредило торговле, однако, я слышал, что они уже успели отправить гонца в столицу. Его величеству Гюголану будет принесена жалоба и тот, возможно, уменьшит подати в этом году. Мне все это было непонятно и даже дико – граф, любимый, как утверждала молва, сын короля, выступал походом против города, состоящего в вассальных отношениях с короной и наносил, таким образом, ущерб власти, которую был обязан защищать... Однако, прожив в Геве подольше, я перестал удивляться подобным вывертам местной внутренней политики. Такая уж это страна. А позже я побывал в Болотном Краю и убедился, что Гева – далеко не самое странное местечко в Мире.

Разумеется, во время службы в Верделе подобные рассуждения меня не занимали. Дубак официально заявил, что я – его заместитель во всем, что касается службы и велел мне взять под особое наблюдение городские ворота, против которых расположились лагерем неприятельские солдаты. Меня это устраивало как нельзя лучше – и вот почему. В ночь, когда город иттурмовали наемники, я обнаружил присутствие колдуна по некоторым магическим эманациям, исходившим от него самого и от его снаряжения. Самого колдуна тогда напугал камень,

брошенный мной почти наугад. Однако когда наутро я вернулся на свой прежний пост, я снова ощутил некое присутствие магии – слабое, почти неуловимое дуновение волибы. Тогда я и заподозрил, что колдун потерял что-то из своего магического барахла, при помощи которого он вредил горожанам в бою. Поскольку Дубак велел мне следить за воротами, то было совершенно естественно, что я постоянно крутился там, на своем прежнем посту. Мне удалось выпросить несколько луков для тех солдат, что Дубак отдал в мое распоряжение, и я велел своим стрелкам следить за тем, чтобы никто не приближался к воротам со стороны лагеря. И в самом деле, какой-то тщедушный человек в неприметном сером плаще дважды или трижды пытался подкрасться к городской стене – наверняка искал свое имущество. Мы отогнали его стрелами.

Когда неделю спустя прискакал королевский гонец с письмом от Гюголана и осада была снята, я при первой же возможности прогулялся туда, где заметил следы волибы. И мое предположение подтвердилось, да еще как! Я обнаружил мешочек, несомненно принадлежавший магу. В нем оказалось несколько маломощных амулетов и толстенная пачка замусоленных листков, исписанных заклинаниями, описаниями магических процедур и прочими заметками такого же рода. Судя по тому, что заклинания были самые простенькие, а описания – излишне подробными, я понял, что их прежний владелец – весьма слабый маг, к тому же явно страдающий забывчивостью. Но меня-то как раз это и устраивало как нельзя лучше! Да что там – для меня эта находка была просто подарком судьбы.

Позже я узнал, что колдуна из отряда капитана Рориха зовут Шортилем и что он в самом деле посредственный маг. Потерянные записи и инструменты, конечно, принадлежали прежде ему. Я думаю, незачем объяснять, что обратно он ничего не получил. Мы оказались в схватке по разные стороны крепостной стены. Он проиграл – и его достояние стало моим трофеем. Позже, в зале «Очень старого солдата», мне пару раз приходилось сталкиваться с Шортилем и мы даже разговорились как-то, вспоминая эту осаду. Никакой неприязни к нему или же, допустим, неловкости я не ощущал. Я не чувствовал себя виноватым перед этим колдуном... И скажите мне, положив руку на сердце – кто бы на моем месте поступил по-другому? А? Даже короли и епископы без зазрения совести делают точь-в-точь то же, только масштабы у них другой. Вам ведь не придет в голову осуждать короля, оттяпавшего соседнюю провинцию, в том, что он воспользовался трудностями «брата»-монарха? Для того, что у нас, бедняков, называется грабежом и разбоем, сильные мира сего придумали множество красивых названий – Гилфингов суд, высшая справедливость, право поля... Э, да что там говорить!..

* * *

Я замахал руками, едва не упав со стула – и проснулся. Тут до меня дошло – сегодняшние кошмары вызваны заклинаниями, наложенными на камешки из ошейника. Наверняка действие собачьей сбруи заключалось в том, что пес должен был видеть в Тощем жожака стаи – старшего, более сильного и, так сказать, авторитетного зверя своей породы. В подобной магии я не разбираюсь совершенно, но, по-моему очень остроумно придумано. Эти заклинания очень сложные, многослойные и наверняка дорого стоят, но их придется все же уничтожить. Они являются слишком явной уликой. Вряд ли это дело рук Неспящего, он специализируется на магии совершенно другого рода, но узнать он их узнает. Это уж наверняка. Ведь именно он обновлял чары на ошейнике, значит, должен был запомнить их.

Поскольку ясно было, что нормально поспать мне не удастся до тех пор, пока не разделюсь с собачьей магией, я сразу приступил к делу. Не спеша и очень тщательно я начал выводить магию из камней. Меня никто не тревожил, клиентов не было и дело продвигалось успешно. Вообще моя лавка привлекает не слишком много посетителей, такова уж специфика Восточ-

ных ворот – это не район порта, где возвращаются настоящие деньги. Если бы я жил только на то, что зарабатываю на путниках, то давно бы помер с голоду. К счастью, у меня имеются и менее явные источники доходов. Часа через два я основательно приглушил собачью магию и решил, что пора бы сделать перерыв. Выведение чужих заклинаний – не менее утомительная работа, чем создание собственных.

За окном заскрипели плохо смазанные колеса, я встал, потянулся и выглянул из дверей, чтобы посмотреть, что происходит у ворот. Ничего интересного – обычная крестьянская телега. Я видел, что стражник лениво заглянул в воз и махнул рукой – пусто. Какой-то мужичок со своей супругой возвращается с Овощного рынка, распродав товар. До меня донеслись обрывки разговора. Словоохотливая тетка тарыхтела, обращаясь то ли к стражнику, то ли к своему муженьку, то ли ко всему Миру:

– ...Ну вот же какое беззаконие злое в Ливде творится! Разве ж такое прежде бывало? Ни мать моя с отцом, ни бабка и слыхом о таком не слыхивали! Отрезали купцу голову и прямо на пороге выставили! А дверь-то, дверь! Рядышком стоит! А замок-то целый! И все целое-целехонькое, только с человеком страх сказать, что сотворили – растерзали на кусочки! Разве прежде бывало такое в Ливде-то? Да никогда!..

– Твоя правда, почтенная женщина, – отозвался на причитания знакомый голос. Рядом с воротами стоял Хиг Коротышка. Перехватив мой взгляд, он мне подмигнул, – а куда вы направляетесь – не в Гаваху ли?

– Точно, добрый человек, в Гаваху, – отозвалась немного озадаченная тетка, – а нешто ты знал?

– Да бывал я у вас в Гавахе, – отозвался Хиг, ухмыляясь, – может, там встречались-то. Вроде, гляжу, лица-то знакомые...

– А ну, проезжай, нечего в воротах ласы точить! – прикрикнул стражник, так и не промолвивший ни слова мужичок тряхнул вожжами, пуская лошадку – и телега снова заскрипела, выезжая наружу.

Хиг, все так же ухмыляясь, проводил крестьян взглядом и подошел ко мне.

– Слыхал? – коротко поинтересовался он.

Я в ответ кинул и поинтересовался:

– А ты что, в самом деле знаешь этих, из Гавахи?

– Не-а, – покачал головой Коротышка, – я у всех спрашиваю, не из Гавахи ли. Эти – за сегодня первые. Мне Обух велел.

– А-а, понятно. В Гавахе сейчас Мясник.

– Точно. Часика через два, глядишь, он узнает, какая беда с тестем приключилась. Тетка-то болтливая какая!.. Тогда и начнется. Только держись!..

– Вот именно, только держись... Мясник, когда на него находит – просто звереет. А что с Неспящим, не знаешь?

В принципе, мне не полагалось бы задавать такие вопросы, но в этот раз я сам оказался в деле и, мягко говоря, был кровно заинтересован.

Коротышка скорбно вздохнул и поглядел на свои башмаки. Вид у него был очень задумчивый – ясно, что он сам не меньше моего сомневается в исходе этого дела. Да он и с самого начала был очень неуверен, я же помню, как неохотно он излагал мне ночью свое мнение относительно предстоящего предприятия... Наконец Хиг ответил:

– К Неспящему Обух послал Брюхо и Коня. Сам не пошел. Смекаешь?

Вместо ответа я кивнул. Еще бы мне не смекать, Обух сам боялся Неспящего, раз послал вместо себя подручных. Это плохо по двум причинам: во-первых, атаману не положено бояться – пугливый атаман долго не продержится, а во-вторых, если Обух сомневается в сговорчивости мага – значит, у него есть на то веские причины... Да, скверно, очень скверно...

Глава 6

Вдруг я заметил, как лицо Хига меняется, на него наплзает этакая приторная слащавая улыбочка, какая была, к примеру, когда он разговаривал с крестьянами из Гавахи. Проследив за взглядом Коротышки, я заметил идущего к нам Эрствина. Хигу встречаться с парнишкой явно было не с руки и я понял, что он бы сейчас охотно ушел, но должен выполнять поручение Обуха. Хотя, собственно, он ведь уже дождался этих крестьян из Гавахи.

– Хиг, – вполголоса поинтересовался я, – ты здесь будешь и Мяслика ждать?

– Хорошо бы дождаться, – Хиг уже начал озиаться в поисках места, откуда он мог бы приглядывать за воротами и улицей, – добрый день, молодой господин! Ну так я еще зайду к тебе, Хромой, с этим дельцем...

Хиг начал бочком отходить в сторону. Я махнул ему рукой:

– Да, конечно, заходи, когда все будет готово!.. Привет Эрствин, – и добавил достаточно громко, чтобы Хиг услышал, – это мой постоянный клиент, он своего компаньона здесь у ворот ждет. А ты рано сегодня.

Моя последняя фраза прозвучала как невысказанный вопрос. Эрствин понял правильно и начал рассказывать:

– Да, привет... Сегодня в городе кое-что произошло. Совет собрался на заседание, поэтому торжественного приема не будет, отец мне разрешил сегодня на весь день... А ты еще не слышал? Убили одного купца, да еще и так страшно убили, говорят...

– Да слышал я уже кое-что... Болтали здесь проезжие... Крестьяне с рынка возвращались. Наверное, весь рынок сегодня гудит, обсуждают... Но может мы ко мне зайдём, а? У меня яблоки есть, хочешь? Там и поговорим спокойно.

Эрствин послушно прошел в лавку и взял предложенное яблоко. Он сел в уголке на табурет и начал рассказывать и жевать одновременно. По его словам, Лигель разразился целой речью о том, что преступность пустила корни в Ливде и он, глава Совета города, не потерпит, что разбойники будут пойманы и получают по заслугам... Убийцам почтенного мастера Товкера не избежать возмездия...

– Ну, это все понятно, – перебил я паренька, – это он всегда так говорит. А что известно вообще об этом деле?

– Ну, купец Товкер – он сам не на хорошем счету был, так я слышал.

Эрствин дожевал, выбросил огрызок в приоткрытую дверь и взял другое яблоко. В его возрасте мне тоже всегда хотелось есть. Откусив, мой приятель продолжил:

– Я слышал, как Лигель говорил с капитаном о том, что этот купец – на самом деле и не купец вовсе, а самый настоящий разбойник и что он получил по заслугам.

– Так что же, убийц искать не будут?

– Будут, конечно. Скорее всего, убийц поймают... Ну, то есть не убийц, конечно, а просто поймают какого-нибудь бродягу, объявят убийцей и казнят.

– Ну да, как обычно. А об этом тоже Лигель с капитаном говорили?

– Не то, чтобы прямо об этом, но... Когда он входили в зал Совета, Глава сказал: «Ты же понимаешь, что убийцы должны быть пойманы?» Так и выделил голосом «должны»... А тот в ответ – «Непременно!». И ухмыльнулся. Я же не маленький, понимаю. Скажи, Хромой, а этот человек... Ну, которого ночью убили – он тоже жил в другом мире?

Когда-то я очаровал мальчика рассказом о том, что в Ливде есть два мира. Один – это дневной мир, в нем живут купцы, мастера разных ремесел, рыбаки, матросы... В этом мире соблюдаются законы, вершится праведный суд и люди зарабатывают на жизнь честным трудом. А ночью многие из них надевают другие личины и превращаются в убийц, вымогателей, воров, казнокрадов. Я слышал, что юные отпрыски благородных родов зачитываются в воз-

расте Эрствина романами и поэмами о героях. Ну, там – «Авейн Неистовый», «Гвениадор и Денарелла», «Баллада о сэре Гейнсе», а вот для моего приятеля этот список я дополнил куда более страшными сказками. У Эрствина излишне пылкое воображение и я боюсь, он многие из моих горьких шуточек воспринимает слишком буквально.

– Да, он тоже. В ночном мире его и звали по-другому. Там его имя было не мастер Товкер, а Тощий. Убийцей он не был и на большую дорогу с ножом и дубиной не выходил. Ты знаешь, кто такие ростовщики, верно?

– Знаю, конечно. Этот Товкер... Тощий этот... он же был купцом и мог давать деньги под проценты. Это же законно?

– Да. А откуда у него деньги – ты не задумывался? Впрочем, что это я? Зачем тебе задумываться о таких вещах... Тощий вымогал деньги у других торговцев, у трактирщиков, у содержателей незаконных заведений. Тех, кто отказывался, избивали и грабили. Их заведения иногда сгорали – ну, случайно, разумеется... Он давал взаймы контрабандистам, через него они выходили на офицеров стражи. Он сводил тех и других, чтобы сговорились, понимаешь? А ему полагался процент с этих сделок. Да что там говорить – Тощий вовсе не был гилфинговым ангелом, но такой смерти я бы ему не пожелал.

– А откуда ты знаешь, как он умер? – вдруг перебил меня Эрствин.

Я спокойно встретил его взгляд:

– Я же говорю, проезжие рассказали.

Молод он еще для таких шуточек. Молод, но быстро учится.

* * *

Больше ничего примечательного, пожалуй, за время осады не произошло. Дубак, как и обещал, показал мне, что нужно делать с мечом, чтобы не порезаться. Но, честно говоря, самое большее, чего я достиг в результате этих уроков – так это научился, размахивая оружием, не нанести вреда себе. Во всяком случае, большого вреда. Когда мне удавалось остаться одному, я упражнялся с найденными мной заклинаниями и амулетами – но больших успехов не было и здесь. Хотя, с другой стороны, у меня и времени на упражнения было немного. Я с удивлением понял, что Дубак в самом деле решил переложить на меня часть своих забот. Это меня совсем не обрадовало – во-первых, командирские обязанности отнимали у меня почти все время, тогда как плату я получал обычную наравне с прочими; во-вторых, теперь наши смотрели на меня косо. О том, чтобы сблизиться с кем-либо из моих товарищей, не могло быть и речи. Я же был «выскочкой», «сержантским холоуем», да наверняка меня награждали и прозвищами похлеще...

Мне не привыкать было к одиночеству, но все-таки чувствовать себя отщепенцем было неприятно. Что мне оставалось делать? Я старался не подавать виду, что меня задевают обидные слова наемников и что я вообще эти слова слышу. В конце концов эта тактика возымела действие – а может, наши просто привыкли или им надоело срывать свою досаду на мне. К тому же нас оставалось все меньше и меньше. Мои товарищи, так и не успев освоить воинскую науку, гибли один за другим. Страшнее всего было, когда меня с полутора десятками солдат отрядили сопровождать обоз в соседний город. Это был единственный раз, когда я почувствовал испуг и растерянность – хотя на деле схватка была пустяковая. Кстати, особо командовать мне не пришлось, поскольку старшим у нас был, разумеется, один из вердельских мастеров...

По пути на нас напал какой-то местный рыцарь, я даже имени его не запомнил. Этот горе-разбойник не смог и засаду толком устроить, он не придумал ничего лучшего, чем просто налететь на наш обоз с тремя своими латниками, вопя и размахивая оружием. Признаться, сам я растерялся, но вердельцам, отряженным с обозом, подобные схватки, скорее всего, были

не в новинку. Те, что были на первом возу, довольно ловко развернули его поперек дороги и преградили путь атакующим нас всадникам. Налетчики, оказавшись перед таким препятствием, придержали коней – так что их атака оказалась неудачной с самого начала. Затем мы – я и другие наемники – пришли в себя и подоспели на помощь вердельцам. Нас, вместе с городскими, было больше двух десятков, мы окружили всадников, бестолково топчущихся на дороге, и принялись колотить их своими железками. В этой свалке нам удалось достать одного из латников и стащить с коня его господина. На этом драка закончилась, остальные всадники удрали. Наш командир едва смог удержать моих новобранцев и заставить их отступить от поверженного рыцаря. Это все-таки была добыча. Во-первых, доспехи побежденного дворянина, хотя были плохонькие и изрядно помятые в бою, но тем не менее представляли собой известную ценность. Во-вторых, сам добрый сэр – за него можно было потребовать выкуп. Однако и здесь ничего не вышло – оказалось, что пленник Верделя нищ, его замок заложен дважды и отчаянное нападение на наш обоз этот незадачливый вояка устроил как раз потому, что ему больше ничего не оставалось. Его афера с дважды заложеной землей вот-вот должна была открыться.

Одним словом – ерундовая схватка и ерундовая добыча. Тем не менее, и в ней погибли шестеро наших... Неопытные, почти безоружные – у них на поле боя было слишком мало шансов. Меня пару раз задел меч латника, но меня-то защитили трофейные доспехи...

Вот в таких приключениях прошло мое первое лето в Геве. Лето, стоившее жизни почти что сотне новобранцев из Ренприста. Я не приобрел большого опыта, не завел знакомств среди завсегдааев «Очень старого солдата», не обогатился добычей и трофеями. Я даже не мог похвалиться, что участвовал в хоть сколько-нибудь знаменитой схватке. Ничего такого, о чем мечтают романтики, ежегодно сотнями спешащие в Ренприст. Но я выжил, я приобрел некоторый опыт, я заработал достаточно, чтобы перезимовать в «Солдате» и дожидаться очередного периода активной вербовки. Я существенно увеличил свой колдовской арсенал. И, что очень важно, я перестал считаться новичком. Когда из сотни человек в «Очень старый солдат» возвращаются четверо, никто не решится назвать их новобранцами. Теперь я по праву занимал место за столом, стоящим гораздо ближе к камину, чем столы новичков. Я начал делать карьеру в Ренпристе...

* * *

Тут нашу беседу прервал шум в воротах. Любопытный Эрствин сунулся поглядеть, что происходит на въезде в город, я тоже вышел следом за ним. В город въехал всадник – очень странный, можно сказать. В нем с первого взгляда чувствовалось что-то чуждое и неестественное, хотя как будто ничего необычного в его облике не было. Пришелец был с головы до ног закутан в черное, причем тканью плаща была тонкой и явно дорогой. Лицо его было скрыто капюшоном не хуже, чем у меня, под складками шелка на груди поблескивала серебром массивная цепь. Вороной конь был под ним, насколько я мог судить, породистый и, конечно, тоже очень дорогой. Сбруя, украшенная серебром, подвешенный к седлу длинный меч в черных, опять-таки украшенных серебром, ножнах – да все в его снаряжении было явно очень дорогим и изысканным. Сразу видно чужестранца. У нас в Ливде есть люди достаточно богатые, чтобы позволить себе такой наряд, но ряд ли кто из наших смог бы носить его с подобным изяществом. К тому же наши предпочитают более пестрые цвета, нежели черный... Когда я вслед за Эрствином выглянул из лавки, путник неподвижно, словно каменное изваяние, восседал на своем прекрасном коне перед сержантом стражи. Стражник, неловко топчась перед ним, сбивчиво и путано объяснял, глядя в сторону:

– Прошу прощения, добрый сэр... То есть ваша светлость... Однако я всего лишь должен выполнить свою обязанность... Не взыщите, сударь, то есть ваша светлость, я хочу ска-

зять. Однако всякий путник благородного сословия платит в воротах два гроша... Воротная пошлина, ваша милость, то есть, ваша светлость, я хочу сказать...

Тот, кто знает наших стражников так же хорошо, как я, тот поймет мое удивление – чтобы смутить ливдинского сержанта и заставить его так запинаться и извиняться нужно нечто исключительное. Здесь одним черным плащом не обойтись, в этом прищельце определенно было что-то сверхъестественное. А стражник даже взгляд боялся поднять.

Пока я обдумывал все это, загадочный незнакомец извлек правую руку из складок просторного черного плаща и протянул что-то сержанту в ладони. Ладонь также была затянута в перчатку – черную, разумеется. Сержант смутился еще больше и забормотал вполголоса, косясь в мою сторону и разводя руками. Затем сержант, то и дело оглядываясь на незнакомца и продолжая что-то бубнить, бочком направился к моей лавке. Его безмолвный собеседник не сказал ни слова, более того – ни поводами, ни, скажем, коленом не дал своему коню приказа – тем не менее, вороной зашагал, неспешно переставляя копыта, за сержантом. Цок-цок-цок да глухое бормотание сержанта... Я, словно замороженный, следил за приближением незнакомца. Когда его конь остановился перед входом в лавочку, я тоже почувствовал то, что напугало стражника – некое ощущение холода и зловещего спокойного равнодушия, исходящее от всадника. Это не было магией в обычном понимании, уж магию я бы как-нибудь узнал... Нет – это было воздействие другого рода, что-то потустороннее, зловещее и грозное, струилось в воздухе... Из-под крыльца моей лавки с писком вылетела крыса и затрусила по улице прочь от зловещего всадника. Крысы очень чувствительны к магии и всяким таким штукам, я давно заметил... Я машинально проследил взглядом за удаляющимся зверьком, к действительности меня вернули слова сержанта, произнесенные тихим голосом, почти что шепотом.

– Глянь, Хромой, что за монета. Я ему говорю – мол, два гроша. Я говорю, въезд в Ливду для благородных персон... А он, ни слова не сказав... Глянь, что за монета такая чудная? Золото, что ли?

– Похоже, что золото... – так же шепотом ответил я и добавил громче, – Подождите, ваша светлость, минуту, я сейчас соберу местные деньги для обмена, – мне тоже передались ощущения сержанта – я хромая и, пожалуй, излишне суетясь, нырнул в лавку.

Так же поспешно я наскоро проделал все обычные операции, какие позволяют определить истинную цену монеты, торопливо отсчитал серебро и медь и выскочил на улицу мимо замершего на пороге Эрствина. Мальчик уж точно ничего не понимал в происходящем и удивленно взирал на мою суету. Но он тоже не мог не почувствовать зловещую ауру прищельца...

– Пожалуйста, господин... – я ссыпал деньги в подставленную черную ладонь и затем, не глядя, протянул сержанту его два гроша.

Сержант торопливо принял монеты и чуть ли не бегом бросился к воротам. Он явно был рад, что для него эта история закончена. Прищелец все так же неторопливо, как он проделывал все до этого, сунул руку с монетами под плащ, затем выпростал ее... Конь, невозмутимый и спокойный, как и его хозяин, медленно зашагал по улице... Черная фигура легко покачивалась в седле в такт цоканью копыт...

Я поднял руку и вытер со лба обильную испарину.

– Хромой, – окликнул меня Эрстин, – слышишь, Хромой, а что это было?

– Не знаю, друг мой. Не знаю, но хотел бы узнать. Все это очень странно...

– Что странно? Что у проезжего нет мелкой монеты? Может, это очень богатый человек? Ну, такой, что не заботится о монете, о мелкой монете... Ведь есть же настолько богатые, а?..

– Да? Очень богатый? Такие богачи не ездят в одиночку. И потом его деньги... Это была не просто монета.

– А что же в ней такого особенного?

– Это монета из Семи Башен! Новенькая золотая крона из Семи Башен!

Глава 7

– ...Из Семи Башен? Ну и что?

– Ты не понял, Эрствин? – на самом деле я сам мало что понимал, – это **новенькая** монета из Семи Башен... Хотя, с другой стороны, это золотая крона... Монеты такого номинала могут спокойно лежать в какой-нибудь сокровищнице веками... И их никто не потревожит... Тогда они и будут выглядеть, как новенькие... Нет – что-то здесь не то!..

Здесь в самом деле что-то не так. Это совсем не те шуточки, при помощи которых я привык морочить голову селянам.

Я сам не заметил, как начал рассуждать вслух. Все же происшествие с черным всадником было настолько необычным... От него так и несло зловещими тайнами прошлого – как будто мне мало было зловещих тайн сегодняшней ночи! Но этот загадочный пришелец... Он явно не похож на человека, взявшего в дорогу горсть золота из фамильной сокровищницы. Да, представьте себе – какой-то аристократ собрался попутешествовать, натурально – он спускается в подвал своего замка, набивает карман золотом и... Какая чушь – важные особы пускаются в путь в сопровождении целой своры слуг, лакеев и телохранителей. То есть это если вообще допустить, что в Море бывают такие существа, как таинственные аристократы, склонные к романтическим странствиям! И то сказать – романтическое путешествие в Ливду! В эту всемирную клоаку! Нет, если подобные люди и бывают на свете – то наш странник и на такого человека не похож. Да Гангмар меня возьми – он вообще не похож на человека!

– А что здесь не то? – прервал мои размышления Эрствин, – ну странствует он один, ну вышла у него в пути мелкая монета...

– Эрствин, друг мой, а как по-твоему путник, набитый золотом, может в одиночку проехать по Сантлаку, пересекать владения здешних дворян... Да его должны были десять раз убить и ограбить.

– Да с чего ты взял, что он именно набит золотом? Может, у него только эта крона и...

– С того... – признаваться не хотелось, но ведь Эрствин меня не выдаст, – с того, что я не додал ему примерно четверть стоимости его кроны.

Я продемонстрировал мальчику несколько монеток, которые держал в левой руке.

– Видишь? Если бы он возмутился – я бы дал ему и эти. И не смотри на меня с таким укором, дружок. Это была проверка. Теперь я точно знаю, что господин в черном швыряет золото, не считая. А от него не убудет... Говорю же тебе – здесь определенно дело нечисто!

– Да ну, Хромой! Ерунда какая... По-моему, ты сам это выдумываешь. Постой, а не ты ли мне всегда твердил, что почти все чудеса в Море имеют на самом деле совершенно простое и прозаическое объяснение? Наверняка и здесь все разъясняется очень просто. Например, сейчас к воротам подъедет отряд копий в десять – свита этого странника. И вообще, если тебе хочется приключений, почему ты не вернешься в Ренприст?

– Ты опять за свое? В Ренприст, да. И взять тебя с собой? Эрствин, я много раз тебе повторял, что не желаю вновь отправляться туда... Нет! И тебе советую выбросить из головы ерунду.

Эрствин постоянно заводил эти разговоры, насчет Ренприста. Ну, чтобы я отправился туда с ним. Мальчику хотелось стать наемником, это же так романтично. Он не был исключением – в двенадцать лет так хочется верить в то, что ты герой... И что тебе нужен только шанс, чтобы это доказать. Под влиянием моих рассказов Эрствин решил, что его шанс – это Ренприст. Не встретиться ему на жизненном пути я с моими рассказами – он точно так же рвался бы в Фенаду, на границу с Королевством-под-Горой или на Север, где за Великой живут в лесах эльфы... Конечно, если торчать с утра до вечера в доме Ливдинского Совета, то поневоле проникнешься мыслью, что здесь, в этом заживо гниющем городе, не может произойти

ничего романтического и великолепного. Я и сам так считал, пока не увидел сегодня всадника в черном, не ощутил исходящие от него холод и пустоту...

Впрочем, в заблуждениях Эрствина есть большая доля моей вины. Ведь это я сам рассказывал ему о забавных и приятных сторонах жизни наемного солдата. Разумеется, в своих рассказах я, как правило, опускал грязь, жесткость и подлость своей прежней профессии. Парень уже не дитя, он мог бы и сам догадаться, что я рассказываю далеко не все и что некоторые особенности моего поведения, да, в конце концов, даже то, что я скрываю свою внешность – все это связано не с романтикой и веселыми приключениями.

– Послушай, Эрствин, – я решил сменить тему, – ты не мог бы оказать мне услугу?

– Конечно, Хромой! А что нужно сделать?

– То, о чем я попрошу – это не ерунда, а очень трудное и важное дело.

– Ну, так что за дело-то? Говори! – ого, как глаза-то у него заблестели!

– Мне нужно узнать поточнее все, что связано с историей Семи Башен. Не байки и детские сказочки, а правду. В архивах Совета наверняка найдется что-то о Семи Башнях. Ну, мне, сам понимаешь, в городской архив путь заказан. Не мог бы ты порыться там в старинных хрониках и отчетах?

Блеск в глазах Эрствина тут же погас. И только-то! Порыться в старых пыльных книжках... Интересно, а чего он ждал? Для меня архивы Совета – самое интересное, пожалуй, место в Ливде. Я бы дорого дал за право покопаться в собранных там документах – и в старых, и в новых. Среди них есть разгадки немалого числа тайн Ливды. Да и не только ее одной – там много чего можно отыскать, нужно только знать, где и на что обращать внимание... Но мой юный приятель этого мнения не разделял:

– Ну-у... В старых книжках копать...

– Я же тебя предупреждал, что дело будет нелегким, – Эрствин, кажется, уловил смешок в моем голосе и загрустил еще сильнее, – друг мой, я совершенно серьезно прошу тебя об этой услуге. Клянусь, для меня очень важно отыскать сведения о Семи Башнях. Да не так уж и много бумаг придется поднять. Семь Башен около трехсот лет лежат в руинах, а документов такого возраста – не так уж много.

Тут я заметил, что на противоположной стороне улицы стоит Хиг и делает мне какие-то знаки. Рядом с ним переминался с ноги на ногу Томен Грошик, еще один парень из команды Обуха. И рожа у него была такая... Ясно, произошло что-то неприятное. Даже хуже, чем просто неприятное. Это означает, что его светлость Обух нуждается в моих услугах. Ничего не поделаешь, придется идти с ними... Я снова обратился к Эрствину, стараясь придать голосу как можно более теплые интонации:

– Ну как, поможешь мне? Только мне сейчас нужно идти. Вон мой клиент вернулся с компаньоном. Ты же понимаешь, что я, в отличие от людей твоего сословия, вынужден заниматься целый день ремеслом... Словом, давай встретимся сегодня вечером в «Шпоре сэра Тигилла», ладно?

Эрствин оглянулся на Хига с Томеном, печально вздохнул и кивнул утвердительно...

* * *

*В Ренприст мы возвратились к началу осени. И, хотя народу в «Солдате» было еще полетнему немного, я рассудил, что в этом году большие **найма** не предвидится – по крайней мере, для таких новичков, как я. Я не строил иллюзий на свой счет. Несколько месяцев унылой гарнизонной службы не сделали меня ветераном.*

*Подсчитав наличные ресурсы, я убедился, что легко могу дотянуть до следующего лета и приготовился спокойно ждать. В отличие от большинства коллег я не торчал с утра до вечера в «Очень старом солдате» – я ведь не рассчитывал на **найм** в этом сезоне. Зимой не*

воюют... Я шатался по Ренпристу и за неделю успел изучить городишко вдоль и поперек. Собственно, странный город состоял из «Солдата» и всего, что было необходимо для обслуживания этого заведения – кузниц, мастерских, лавок портных и сапожников, пекарен, колбасных, коптилен, ну а также – городского магистрата, стражи, меняльной лавки, церкви и прочего, что положено иметь уважающему себя городу. Все названные мной учреждения служили лишь одному – обеспечить жизнедеятельность «Солдата». И они справлялись, можете не сомневаться – и не были в накладе. Трудно представить себе предприятие, приносящее более стабильный доход, чем место найма солдат удачи...

Словом, я настроился на то, что мне придется ждать лета, и просто убивал время. Тем не менее, я, вопреки собственным ожиданиям, все же пристроился работать на зиму. Получилось это совершенно случайно. Однажды – а была уже поздняя осень – я привычно слонялся по тихим улочкам Ренприста. Помнится, я думал тогда, до чего здесь мирно и уютно – в городке, поставляющем, по сути дела, всему Миру убийц и разрушителей. Посреди этих парадоксальных размышлений меня застиг дождь и я, не задумываясь, спрятался под первую попавшуюся крышу. Так я случайно оказался на пороге местной приходской церкви. Конечно, я уже несколько раз бывал и внутри. Не то, чтобы я усердно веровал, но иногда во время службы мне удается ощутить в груди... Даже не знаю, как это описать, такое кружение, или даже, пожалуй томление... я боюсь сказать «томление души» – но ощущение приятное... Даже успешное колдовство не дает мне таких ощущений...

И все же я захожу в храм не слишком охотно, почему-то смущаюсь, что ли... Но в тот раз дверь была заперта и я просто стоял под навесом, пережидая дождь. А капли падали все гуще, непогода усиливалась. Я заметил бегущего по улице отца Томена, местного священника. Сухонький старикашка смешино подпрыгивал на бегу, оскальзывался на мокрых бульварных тротуарах, но при этом заботливо прикрывал полую своего плаща большущий сверток. Он подбежал к двери, ведущей в заднюю, заалтарную часть храма и принялся доставать ключ. При этом старик так боялся уронить свой драгоценный сверток, так прижимал ношу к себе левой рукой, что ему никак не удавалось добраться правой к ключу – для этого нужно было приподнять полу его неуклюжего священнического одеяния. Видя его мучения, я пожалел старика и, перебежав из-под своего навеса к нему, предложил:

– Давайте помогу, отче.

– Спаси тебя Гилфинг, добрый юноша, – прошепестел в ответ старичок, – прими мою ношу, но заклинаю – будь осторожен! Там книги!

– Не беспокойтесь, я буду так осторожен, словно там ядовитые змеи впереमेжку с амулетами Проклятого Принца!

Моя незамысловатая шутка так развеселила отца Томена, что он хохотал минут пять и только затем сумел отдышаться и отпер наконец злополучную дверь. Все еще хихикая и подрагивая костлявыми сутулыми плечами, он предложил:

– Заходи, сын мой, обсушись и раздели мою скромную трапезу.

– Но, отец Томен... Это как-то неловко...

– Ничего-ничего. В этом Гилфингом проклятом городе еретиков и злодеев я рад встретить добрую душу, которая ценит никому не нужные книги не меньше, чем змей, запретные еретические амулеты и прочие полезные вещи.

От этого комплимента я растерялся настолько, что принял приглашение священника и вошел в церковь...

* * *

Дождавшись, чтобы Эрствин отошел подальше, я незаметно махнул рукой Хигу и проковылял в свою лавку. Возможно, кто-то из стражников, скучающих у ворот, наблюдает за мной

– так что все должно выглядеть естественно. И Хиг с Грошиком должны зайти ко мне, как обычные посетители, которые смущенно дожидались, пока я распрощаюсь с «молодым господином» и только потом решились обратиться со своим делом.

Хиг в самом деле сперва для вида поскребся в дверь и тут же, не дожидаясь, пока я отзовусь, скользнул внутрь. Грошик, озираясь и смущенно покашливая, вошел следом.

– Ну, что случилось? У Обуха проблемы? – осведомился я, чтобы сократить время церемонных приветствий, покашливаний и хмыканий, которые всегда предваряют беседу у таких лохов, как Грошик.

Томен и в самом деле начал мяться и кряхтеть, но Хиг сразу приступил к делу:

– Хромой, сходи-ка со мной. Дело и вправду серьезно.

– Ладно, сейчас соберусь. Может, ты скажешь в двух словах, что за дело?

– Да я и сам-то... Вон Грошика Обух прислал за мной да за тобой. Эх, говорил я, что не надо бы... – он оглянулся на Томена и замолк. Но я его прекрасно понял. Проблемы с командой Тошего, не иначе.

– Так ничего и не скажешь? А ты, Грошик? Что стряслось у его светлости?

Грошик кряхтеть перестал, но зато шумно задышал. Кроме меня никто не осмеливается называть Обуха «светлостью». От меня он принимает титул с улыбкой, да и вообще видно, что ему это обращение нравится, но от других он «светлости» не потерпит, я точно знаю. Наконец Грошик задышал ровнее и смог выдать из себя:

– Конь к нему пришел...

Значит, все-таки Неспящий... Коротышка говорил, что Конь и Брюхо должны были поговорить с магом от имени атамана. Причем главным там был Брюхо, у Коня кулаки гораздо лучше работают, чем мозги, он вряд ли смог бы достаточно точно выучить то, что Обух хотел передать колдуну. Но вернулся с переговоров именно Конь... А Брюхо?

– Конь вернулся от Неспящего? Один?

Но Грошик уже высказал мне все, что мог. Теперь он только тихо сипел и разводил руками. Вместо него заговорил Хиг:

– Пойдем скорее, а? Там чего-то было... Непросто все с Конем. Идем, сам увидишь. И я с тобой. А Грошик тут пока покараулит у ворот. А?

– Да хорошо, хорошо. Грошику ты объяснил, что он должен делать? Нет? Тогда расскажи все, что нужно, только снаружи, лады? А я сейчас соберусь...

Хиг беспрекословно кивнул и вышел из лавки, волоча за собой по-прежнему обалделого Томена. Коротышка прекрасно понимал, что мне может понадобиться заглянуть в какие-то тайнички, и посторонним не следует при этом находиться. Тайники здесь у меня, разумеется, имелись, но сейчас я не собирался в них лезть. Ничего особо ценного я в лавке все равно никогда не оставлял. Просто мне нужно было собрать наличные монеты и не хотелось, чтобы кто-то видел, как я прячу крону таинственного пришельца в мешочек за пазухой, тогда как остальную наличность пристроил на поясе. Через пару минут я был готов. Напоследок оглядел свое убогое заведение, машинально провел ладонью по столу, смахивая невидимую пыль... Пошупал футляр с инструментами... Вроде все.

Выйдя из лавки, я оглядел безлюдную улицу. На другой стороне, в подворотне, Коротышка что-то втолковывал Грошику и страдальчески морщился – видимо Грошик не собирался выходить из ступора. Перехватив мой взгляд, он кивнул. Я, не оглядываясь больше, зашагал по улице. Дойдя до перекрестка, я завернул за угол и остановился с задумчивым видом. Спустя минуту ко мне присоединился Хиг. Не то, чтобы мы собирались вводить кого-то в заблуждение этими маневрами, просто оба привыкли действовать именно так. Теперь, когда стражники не могли нас видеть, мы уже двинулись вместе. Если кто-то и пристроился нам на хвост, то здесь я больше доверял чутью Коротышки, чем своему собственному...

Дальше наш путь пролегал по людным улицам, и я не стал расспрашивать Хига о том, что поведал Грошик. На месте разберусь.

Глава 8

У Обуха было несколько постоянных убежищ, которые он регулярно менял, ну и, конечно, имелись также и тайные берлоги, о которых не знал ни я, ни большинство его парней. Считается, что атаман должен быть смелым и постоянно эту смелость демонстрировать, на деле же Обух всегда очень осторожен, всегда старается избежать малейшей опасности и вообще не любит риска ни в каком проявлении. Я встречал в жизни не так уж много воровских атаманов, вернее сказать, Обух – единственный мой знакомый такого ранга, но я часто слышу, что он придерживается старых традиций и вообще – образцовый предводитель шайки. Ну, вы же понимаете – сейчас молодежь не та, сейчас не уважают **законов**... А вот Обух – человек старого закала и так далее...

Пока мы шли по людным улицам, я помалкивал и глядел по сторонам. Не лишнее занятие, даже если рядом Хиг. Он, конечно, профессионал, но ведь у меня есть свои возможности... Судя по тому, как Коротышка вел меня – мы направлялись в одно из самых надежных убежищ «его светлости». Район, в котором мы очутились, называется Хибары. Насколько мне известно, сам Обух вырос здесь. На этих улицах прошло его детство и молодость. Обух, в отличие от меня, никогда не был романтиком настолько, чтобы покинуть в поисках приключений Ливду. Нет – все его войны, подвиги и походы прошли здесь. Хотя я всегда считал, что для того, чтобы достичь в его профессии хоть сколь-нибудь высокого положения, необходимо иметь в душе некую искру романтики... Или это лучше назвать не искрой, а шилом в заднице? Кому как нравится...

Но, во всяком случае, в Хибарах каждая собака знает Обуха, здесь он **свой**, местные ему сочувствуют и предупредят, если возникнет опасность. Хибары – его крепость и, думаю, очень надежная, если, конечно, можно считать надежным хоть что-то в этом городе. В Хибарах и Хиг почувствовал себя свободнее, я заметил, что он несколько расслабился, с его лица исчезло выражение сосредоточенности. Буквально на каждом шагу он с кем-то здоровался, он тоже был здесь своим.

У входа в большое двухэтажное здание, штаб-квартиру Обуха, толпилось с полдюжины бойцов. Они, не скрываясь, держали на виду тесаки и дубинки, сейчас было не до соблюдения «внешних приличий». То, что нас сразу провели к его светлости, опустив все обычные формальности, тоже свидетельствовало о серьезности положения.

Обух ждал меня и Хига в большом зале. Я еще подумал – «тронный зал». Впечатление усиливало массивное кресло, в котором восседал атаман – ни дать, ни взять трон. Обух уютно расположился в нем, вытянув ноги, и хмуро глядел в угол, где на стуле понуро сидел Конь. По бокам от него стояли еще два молодых бандита впечатляющего сложения. Я их едва знал – шестерки, новобранцы. Лучшие люди сейчас на улицах, ясно.

Едва кивнув мне в знак приветствия, Обух пробурчал:

– Вот Конь вернулся. Погляди, что с ним.

Я покосился на Коня. Тот сидел, подобрав под себя ноги и опустив голову. Неопрятные патлы, засаленными прядями свисавшие на лоб, совершенно скрывали лицо. Огромные ручки расслабленно свисали вдоль туловища... А еще у него на шее висела какая-то торба, снизу покрытая запекшейся багрово-черной грязью. Округлые очертания торбы в совокупности с тем фактом, что Брюхо не вернулся, наводили меня на невеселые догадки.

– Руки, – вдруг сказал Коротышка, – руками не шевелит.

Точно. У Коня была неприятная привычка постоянно шевелить пальцами, а сейчас его большие красные кисти рук были совершенно неподвижны.

– Покажите ему, – буркнул атаман.

Один из шестерок ухватил Коня за волосы, рванул вверх – я увидел мертвенно-бледное лицо с пустыми, словно остекленевшими, глазами. Бандит был явно не в себе и ничего не соображал. Второй молодчик вкатил бесчувственному Коню крепкую оплеуху. Мне показалось, что оба пацана выполняют свое дело с удовольствием, еще бы – наверняка им обоим совсем недавно крепко доставалось от Коня и они не могли даже помыслить о возможности подобной расплаты. От удара голова мотнулась из стороны в сторону, Конь моргнул, разлепил иссиня-белые губы и на удивление четко и раздельно произнес:

– Слушай меня, Обух. Это я, Неспящий. Обух, ты дурак. Мы давно уже хотели **взять** тебя – я и Мясник. Тоший, тот нам запрещал. Если бы не он, ты бы уже давно сдох. Тоший тоже был дураком. Но теперь время дураков прошло, Тошего ты уже кончил, а мы доберемся до тебя. Теперь нам с Мясником никто не мешает. Понял, осел?

Это было очень серьезно, голос, которым Конь произнес свою тираду, ему не принадлежал. Определенно, это не был и голос Неспящего, но похоже, Гангмар возьми, как похоже на хрип старого мага...

Первый шестерка отпустил волосы Коня – голова последнего тут же бессильно поникла. Второй молодчик занес раскрытую ладонь и что-то буркнул, молодцы решили повторить свой коронный номер, но я их остановил:

– Достаточно, я все понял. Обух, парни могут идти, я думаю. А почему вы не сняли с него мешок?

Его светлость спровадил шестерок, повелев им быть поблизости, и ответил:

– Мы боялись магии этого старого пьяницы, Хромой. Ну, может, мешок заколдованный какой-то... Мало ли... А ты действительно что-то понял? Можешь помочь?

– Да пока что сам не знаю... Сейчас попробую...

– Скажешь что-нибудь, пока не начал?

– Ну, что я могу сказать? Магия применена очень сильная. Хотел бы я уметь накладывать такие заклинания... А еще больше я бы хотел, чтобы никто в Мире не мог накладывать их...

* * *

Когда отец Томен, приглашая меня, сказал «скромная трапеза», это прозвучало именно как формула вежливости – ну не может же священник пригласить гостя разделить с ним пышную или, допустим, роскошную трапезу. Но обед был и впрямь убогим. Позже я узнал, что старик не беден и не скуп – просто он потрясающе равнодушен к еде. Время от времени отец Томен посещал местный рынок и пополнял запасы продуктов. Системы в его закупках не было. Несколько раз я сопровождал его и видел, что священник, не мудрствуя, покупает все, что попадает на глаза. Покупает, не выбирая и не торгуясь. С равным успехом он купить и какую-нибудь дорогую изысканную снедь, и уже подвявшие овощи – просто потому, что именно они попались ему на глаза, когда он шел по рынку, полный размышлений о возвышенном. Да... О возвышенном он размышлял постоянно. В жизни этого странного человечка была единственная настоящая страсть – книги. И этой страсти он отдавал всего себя целиком, не размениваясь на презренные мелочи, наподобие еды. При этом он, естественно, не обращал ни малейшего внимания на то, что его паства погрязла во всевозможных грехах. Да ведь другого пастыря местная община и не потерпела бы. У Ренприста была такая возможность – не потерпеть, слишком уж важен был этот город для Мира.

Впервые попав в заалтарную комнату ренпристской церкви, я увидел только одно – книги, книги, книги. Книги были везде: стояли неровными стопками повсюду на полу, громоздились на полках и ларях, образовывали бесформенные пирамидальные кучи в углах. Я уже не говорю о том, как был завален стол...

Я никогда в жизни не видел столько книг, собранных в одном месте. У отца Томена была постоянная договоренность с несколькими капитанами, и они поставляли ему предмет его страсти. За некоторую плату, разумеется, они свозили в ренпристскую церковь все, что им удавалось прихватить на дармовицину с собой за время службы. Надо сказать, что большинство наемников из «Очень старого солдата», мягко говоря, нелояльны к святой церкви, то есть на дух не переносят попов и всего, что с ними связано. Поэтому лишь небольшое число наших участвовало в сделке с Томеном. А тот просто собирал книги – собирал все, что записано чернилами на пергаменте, дощечках и выскобленной коре. Старые легенды, хроники, сказки, романы и поэмы о прекрасных дамах. Моего нового знакомого совершенно не волновало соответствие собранных им текстов ортодоксальной церковной догме. Я потом обнаружил у него между прочим даже скандальные и строго-настрога запрещенные «Проповеди Мерка Нового», пожалуй, самую еретическую книгу последнего века. Отец Томен пылал к книгам бескорыстной и чистой любовью – знаете, когда просто не можешь обойтись без предмета страсти и не хочешь доискиваться причины, почему и за что любишь. Денег у отца Томена на покупку книг было предостаточно, приход в Ренпристе был процветающий.

На этой страсти мы со священником и сошлись. Я не могу сказать, что так уж схожу с ума по книгам, но я очень люблю читать. Меня восхищает сам факт извлечения новой информации из мертвых значков на телячьей коже. С тех пор, как мама научила меня, я читал всегда и все, что попадалось на глаза. Вывески над входом в лавку, девизы на щитах заезжих дворян, названия судов в порту... Ну и, разумеется, книги, когда удавалось до них добраться. Довольно странно для человека моего происхождения и моего общественного положения...

Едва войдя в заваленную книгами комнату, я тут же опустил доверенный мне сверток на пол и, схватив первую же попавшуюся книгу, принялся читать. Заметив, что отец Томен, приподняв брови, с любопытством наблюдает за мной, я смущенно улыбнулся и пробормотал:

– Простите, отче... Так давно не держал в руках книги...

Потом мы, конечно, разговорились. Слово за слово – священник предложил мне поработать у него, ему требовался помощник для того, чтобы разгрести громадные залежи. Я, разумеется, согласился – чего же мне было искать еще на зиму? Тем более, что мне была обещана плата. Таким образом, я провел несколько месяцев среди книг, разбирал их по годам и жанрам, переписывал их названия в специальный список... И, разумеется, читал. Особенно меня заинтересовал громадный фолиант, посвященный монетам. Книга была богато иллюстрирована и составлена, по-видимому, очень грамотным специалистом-нумизматом. Я с удивлением обнаружил, что по изображениям на монетах можно изучить историю гораздо лучше, чем по каким-либо другим источникам. И, кстати, более точно изучать – ведь никому не придет в голову подделывать старинные монеты, отчеканенные, к примеру, лет сто – сто пятьдесят назад. Выбитые на реверсах старинных монет профили сохраняются навеки, тогда как летописи подделывают, вымарывают, а то и просто сжигают. Да, с какой стороны ни гляди, книги – очень хрупкая и уязвимая вещь. Особенно в сравнении с деньгами.

* * *

– Да ну тебя к Гангмару, Хромой, с твоими рассуждениями. Давай, делай что-нибудь! Эта бодяга слишком затянулась.

Обух изволил нервничать. Его светлость можно понять – если верить тому, что поведал Конь, выходило, что с Тошим разделились зря. Конечно, словам зачарованного бандита вряд ли стоило доверять, похоже, что Неспящий делал, что называется, хорошую мину при плохой игре. А впрочем, кто их разберет, этих сумасшедших магов и воровских баронов, они все малость не в себе. Эта ерепень относительно доброты Тощего могла вполне оказаться правдой.

Но, так или иначе, мне предстояло делать дело. Прежде всего я обследовал холщовый мешок, подвешенный на шею Коня. Торба заставляла меня нервничать, хотя на ловушку это было никак не похоже. Разумеется, никаких чар в ней и не оказалось. Убедившись в этом, я разрезал веревку. Затем я передал торбу Хигу, даже не заглядывая внутрь. Потом принялся присматриваться и принюхиваться к Коню, пытаюсь определить, какие именно заклинания задействованы. Естественно, я мало что понял, поскольку Неспящий очень сильный колдун и его магический арсенал был гораздо обширнее моего. Пока я возился около неподвижного грома, Хиг распаковал «посылку». Я слышал, как Кортышка обменялся с Обухом мнениями относительно ее содержимого:

– Ну ясно, Брюхо...

– А то ты не догадывался... Ладно, убери эту падаль... Хотя нет, постой, дай гляну... Ага...

– Вон, видишь? Надрез неровный, стало быть – отрезали.

– Да вижу, не слепой. Отрезали, не отрубили. И нож паршивый, тупой был. Это явно сам Неспящий. Значит, при нем, может, никого из парней Тощего и нет. Ладно, убери куда-нибудь...

– Постой, Хиг, – окликнул я Коротышку, – пришли сюда этих двоих дуболомов.

– Ты что-то надумал? – хмуро осведомился Обух.

– Сам пока не знаю, получится или нет. Хочу кое-что попробовать.

– А мои дурни зачем?

– На всякий случай. Когда Конь выйдет из транса – Гангмар его знает, что получится.

– Да? – с сомнением в голосе переспросил его светлость, извлек из-под «трона» увесистую дубинку и скомандовал своим бойцам, которые вернулись в зал и теперь неуверенно топтались у дверей, – делайте, чего Хромой скажет!

Шестерки тупо уставились на меня.

– Значит так, – я напустил на себя уверенный вид, – сейчас я кое-что попробую сделать и, возможно, это поможет Коню проснуться, ясно?

По их тупым ромам было видно, что им как раз ничего не ясно. Ладно, попробуем еще раз.

– Ну, представьте себе, что Конь спит. Что он очень крепко спит. Ну, очень устал, напился и спит. Если его внезапно разбудить – что он, по-вашему, сделает?

Теперь до них вроде дошло. Парни переглянулись, подошли к стулу, на котором замер Конь и вцепились в его предплечья. Возможно, у них уже было некоторое представление о том, что может сделать внезапно разбуженный Конь. Теперь, когда меры предосторожности были приняты, пора было переходить непосредственно к делу. Собственно, я еще не знал, чем это может закончиться, да и получится ли вообще – просто пришла одна идея. Клины, как известно, клином вышибают. Я вытащил из поясной сумки камешки с наполовину стертыми собачьими заклинаниями. Если расстояние будет небольшим, то магии в них вполне достаточно. Может, заодно и разряжу их окончательно. Ну... Я глубоко вздохнул, сосредоточился и приложил камни к вискам погруженного в транс бандита.

– А-а-а-а!!!!

Едва Конь начал шевелиться, я понял – сработало! Настолько быстро, насколько позволяла больная нога, я отскочил назад. Конь подскочил со стула и закружился по комнате, ноги повисших на нем молодчиков оторвались от пола. Обух со своей дубиной спрятался за спинкой кресла, Хиг бросился в угол... Один из шестерок со смачным хрустом врезался в стену, другой отлетел в сторону, несколько раз перевернулся и замер у подножия «трона». Тут Конь, видимо начал приходить в себя. Его движения замедлились, наконец он остановился, обалдело огляделся...

– А... Это... Обух, я это... А почему Тощий?.. Ой, чего это я?..

– Ничего, Конь, ничего, – донеслось из-за кресла, – ты не виноват.
Только тут я заметил, что Конь, совершая свои подвиги, успел еще и обмочиться.

Глава 9

Конь смущенно топтался посреди комнаты, не зная, что ему делать. Смятение и растерянность на его лице в другой ситуации вызвали бы улыбку, так же, как и его мокрые штаны, но сейчас нам всем было не до смеха. Обух повторил:

– Ничего, Конь, ты не виноват, – я даже уловил в его голосе почти человеческие нотки, – ты скажи, ты это... Слышь, Конь, ты хоть что-то помнишь?

– Не, Обух... Помню, подошли к дверям... Ну, к хате Неспящего... Брюхо что-то еще сказал... А, сказал – ты, грит, молчи, я, грит, все буду за двоих говорить... Постучал потом... А больше ничего не было... И вот Тощий собакой стал – чего это?

– Собакой? – переспросил Обух.

– Это колдовство, Конь, – подал я голос, – Неспящий тебя заколдовал.

– Ты иди, Конь, переоденься, – все тем же заботливым тоном произнес атаман, – иди, отдохни. И вы, двое, тоже идите. Хотя нет, ты, Пуд, позови мне Крысюка и Кувшина, а ты останься у дверей. Да не здесь, дурак, а с той стороны... У дверей...

Когда все вышли и в зале остались только я и Обух, атаман наконец обратился ко мне:

– Что это за бодяга про то, что Тощий стал собакой?

– Да бредит он, ты ж видишь, что с ним Неспящий сделал.

– А чем ты его расколдовал? Я углядел, ты в граблях что-то держал. Чего там у тебя?

Признаваться, что я взял что-то из дома Тощего, мне было нельзя, это ясно. Поэтому я уклончиво ответил:

– Это уже по моей части, Обух. Нет, если ты хочешь, я, конечно, расскажу. Рассказывать?

– Не надо, – правильно, атаман, тебе этого не надо, – мне твоя чернокнижная тарабарщина без надобности. Ты мне простыми словами можешь сказать, что Неспящий затевает?

Ничего себе вопрос... Он же мне сам говорил, что с Неспящим договорится... Но напоминать Обуху о нашем ночном разговоре я посчитал неудобным – атаман сейчас и так на взводе, зачем его злить?

– Я так думаю, что даже сам Гангмар не знает, что у старого пьяницы сейчас творится в голове. Но то, что он опасен, ты сам видишь.

– Вижу, – согласился Обух, – что, Хромой, небось хочешь мне напомнить наш разговор? Хо-очешь... Так вот – ничего не изменилось. А Неспящего я прижму. Точно говорю – прижму. Так что у тебя за штучка в руках-то была? А ну, покажи.

Надо же, не забыл. Делать нечего, я продемонстрировал Обуху камушки, вся магия в них, по-моему, исчезла – Конь оказался очень восприимчивым, вероятно поэтому и остался жив. Неспящий решил использовать его в качестве посланника. Кстати, мне только сейчас пришло в голову – колдун вполне мог прикончить обоих присланных к нему громил, но все-таки оставил Коня в живых... Посчитал, что для него не важно, сколько у него противников – одним больше, одним меньше? Или подумал, что важнее припугнуть Обуха?

Пока я размышлял над этим, атаман разглядывал мои трофеи. Я набрался наглости и спросил:

– Хочешь купить, ваша светлость?

– А пошел бы ты к Гангмару со своей колдовской рухлядью... Что я тебе – Мясник, амулеты на себя навешивать? Не по закону это...

Вспомнив Мясника, он невольно нахмурился. Скорее всего, мы с ним подумали сейчас одно и то же – очень важно, чтобы Мясник и Неспящий не смогли встретиться. Тут в дверь тихонько постучали – наверное, явились Крысюк с Кувшином.

– Ладно, – решил наконец Обух, – ступай, Хромой.

Я только и ждал его разрешения. Мне вообще не хотелось бы здесь появляться. Поэтому я сразу же поспешил удалиться. Мне многое предстояло обдумать – ситуация складывалась очень серьезная. Все выходило совсем не так, как замыслил Обух. Неспящий не пошел под него. Мясник, очевидно, попытается стать официальным приемником тестя... А он и в самом деле мог быть даже более опасным, чем Тощий... Прежде, когда он действовал в тени тестя, его принимали за обычного громилу, ну, может, более ловкого и удачливого, чем другие – не более. Однако Мясник – очень неглупый парень и вполне может оказаться куда способнее, чем Тощий.

С этим грустными мыслями я зашагал к своей лавке. Было еще довольно рано, а более спокойного места, чем моя лавка, я не найду. Там можно спокойно посидеть и все взвесить. Пока прямой опасности, кажется, нет – если Мясник с Неспящим станут действовать, начнут они не с меня. Но в случае чего придется валить из города...

Недалеко от входа в мою лавку я еще издали заметил большую толпу. Над головами зевак поблескивали шлемы стражи и сталь алебардных лезвий... Что-то произошло. Я подошел поближе и прислушался к разговорам в толпе – вроде речь шла о том, что здесь кого-то убили. Тут стражники стали расталкивать зевак, требуя освободить улицу и дать проход. На скрещенных алебардах они несли накрытое тряпкой тело. Возглавлял шествие мой знакомый, можно даже сказать, мой приятель – сержант стражи Коль Токит по кличке Лысый.

– Хромой, – окликнул он меня, – хоть ты-то что-нибудь видел?

– Нет, Коль, меня в лавке не было, к клиенту ходил. Видишь, только сейчас возвращаюсь. А что было-то?

Сержант только махнул рукой:

– Оборванца какого-то зарезали. Ну, покойник-то ладно, шваль. Такие пусть хоть все друг дружку перережут, только воздух чище станет. Но ведь середь бела дня! Средь беда дня! Под носом у наших! – он кивнул в сторону Восточных ворот, – Ладно, бывай, Хромой. Пошли!

Стражники удалились, толпа стала быстро расходиться. А я стоял и все глядел вслед Лысому... Лицо покойника было скрыто, но я узнал драные башмаки Грошика. По-моему, это могло значить только одно – Мясник в Ливде.

* * *

Моя первая зима в Ренпристе прошла в трудах праведных. Я навел образцовый порядок в собранных отцом Томеном книгах. И надо было видеть, как старик радуется! По мере того, как я записывал и расставлял по полкам новые и новые тома, его улыбка становилась все шире. Я тоже невольно улыбался, наблюдая с какой нежностью священник прохаживается вдоль уставленных фолиантами полок, оглаживает дрожащей ладонью корешки... Его страсть обрела благодаря моей работе новое воплощение. Мне даже пришло в голову странное сравнение – то, что раньше можно было назвать безумной юношеской влюбленностью, переросло у старика в тихое и умиротворенное чувство законного супруга. Глупость, конечно, но что-то в этом было...

Ну а я при малейшей возможности возвращался к полюбившемуся мне каталогу монет. Не то, чтобы я любил деньги, нет – просто за этими металлическими кругляшками я открывал нечто гораздо большее. Монеты приобрели в моих глазах новый смысл, наполнились иным значением. Мне подчас начинало казаться, что я воочию вижу людей и нелюдей, чьи профили украсили некогда реверсы монет. Я могу сказать иначе – навеки украсили. Начинало казаться, что вот-вот – и они заговорят со мной, расскажут свои истории, объяснят выбитые на монетах девизы...

Возможно, я тоже сходил с ума? Но я делал это молча. И ведь я даже занятия магией забросил ради изучения книги о монетах...

Разумеется, время от времени я по вечерам заглядывал в «Очень старый солдат», выпивал там стакан вина, выслушивал очередную порцию новостей, сплетен и анекдотов из жизни нашей братии, да и всего Мира. В «Солдате» было принято, не стесняясь, обсуждать деяния сколь угодно высокопоставленных персон и высмеивать их по малейшему поводу. Когда я говорю «обсуждать» – это означает «высмеивать». В перерывах между убийствами так хочется смеяться. Хочется быть беззаботным – это же настолько естественно...

Кстати, моя «работа на святую церковь» ни для кого не была секретом и меня уже успели окрестить Писарем, причем популярной в «Солдате» личностью я не стал, к отцу Томену наши относились без предубеждения и не ставили мне в вину эту службу. В угол, где собирались чародеи, я не совался. Конечно, мне было бы интересно понаблюдать колдунов в действии во время их пресловутых «боев», но я боялся засветиться. Я был слишком неопытен и боялся, что ушлые чародеи опознают во мне собрата. Как-то я заметил, что один из колдунов, толстяк Бибнон, приглядывается ко мне. После того, как он пару раз пытался со мной заговорить, осторожно начиная с ничего не значащих вопросов, я три вечера кряду не показывался в трактире. После этого толстый чародей больше не делал попыток сблизиться со мной, но время от времени я ловил на себе его взгляд.

Но зима миновала, прошла и весна. Я начал все чаще наведываться в «Солдат» – так что даже отец Томен заметил это. Он спросил меня, почему я стал постоянно отлучаться по вечерам, я объяснил ему, что жду найма. Старичок для вида предпринял несколько вялых попыток отговорить меня, предлагая бросить греховное ремесло. А затем однажды вдруг посулил содействие в найме. Я был весьма удивлен, но постарался не выказать этого. На следующий день в нижнем зале меня отыскал представительный мужчина в потертом камзоле, давно уже утратившем изысканность.

– Ты, что ли, будешь Писарь? – осведомился он.

– Так меня прозвали.

– Меня зовут Торн. Капитан Торн. Послезавтра я отправляюсь в Фенаду, есть служба на все лето. Хочешь со мной?

– Спасибо за предложение мастер, я нуждаюсь в найме. А что за служба и каковы будут условия?

– Гномье порубежье. Охрана границ, а возможно и свободный поиск, там будет видно. Плату получишь наравне с прочими. Тебя устраивает?

– Спасибо, мастер, – за это в самом деле стоило благодарить, капитан обещал мне, неизвестному новичку, плату, которую у него получают старые проверенные бойцы.

– Не стоит благодарности, солдат. Я спрашивал о тебе Дубака, а его слову я доверяю. Ну и святой отец за тебя просил. Небось будешь для него книжки искать?

Фенада граничит с Королевством-под-Горой. Гномьи книги – большая редкость. Для меня стала ясна подоплека заботы отца Томена о моем найме. Так вот для чего он способствовал моему новому шагу на греховной стезе наемничества! Я с трудом сдержал улыбку – моя душа и моя жизнь значили для старого доброго священника все-таки меньше, чем возможность заполнить раритетную книгу. Вслух же я ответил лишь:

– Только если вы позволите, капитан.

– Отчего же, – разгладил усы Торн, – ищи. Но помни, ты – член отряда. Что заплатит старый книгочей – в отрядный котел. Ну а премии тем, кто доход отряду приносит, уже я сам распределяю. Во-он, видишь, мои парни сидят. Идем, познакомимся с ними. Ну и вообще, перебирайся за их стол.

– Да, капитан. Только сейчас расплачусь... И, если позволите, еще минуточку. Я хочу Дубаку вина заказать.

По тому, как Торн ухмыльнулся, я понял – поступаю правильно. Наверняка мой прежний командир откомендовал меня отлично, так что я был ему во многом обязан тем, что меня

принимают в отряд. Отряд гевских наемников – это что-то наподобие семьи. Прием в семью – дорогого стоит. Я подозвал слугу, расплатился, заказал кувшин вина Дубаку и три – на стол отряда Торна. Моего отряда.

* * *

Вернувшись после всех приключений в свою лавку, я сел за стол и наконец вздохнул спокойно. Странно, но за здесь я чувствую себя увереннее, чем где бы то ни было. Эта уверенность не имеет ничего общего с чувством физической безопасности. На самом деле это место очень неудобное – к лавке кто угодно может подкрасться, а я не увижу. Окошки маленькие и неудобно расположены. Правда, в двух шагах от лавки – пост стражи у ворот, но и стражников я могу считать друзьями только с большими оговорками... И еще, присутствие стражи никак не мешало Мяснику разделаться с Грошиком. Тем не менее здесь, за столом, в окружении своих записей и инструментов я чувствую себя вполне уверенно и надежно.

Итак я вернулся в лавку, закрыл дверь, сел за стол и задумался. В Ливде происходит Гангмар-знает-что. Люди Обуха следят за Неспящим. Следят, разумеется, издали, потому что к такому магу близко не подобрешься. Можно не сомневаться, Обух уже отдал приказ убить старика при малейшей возможности. Вот только представится ли она, эта возможность? Старый маг частенько страдал головными болями, делавшими его более уязвимым – следствие постоянной бессонницы. Но вчера он здорово выспался... Чем сейчас занят сам Неспящий – не могу даже предположить. Один он не осмелится атаковать Обуха, но вряд ли старый безумец спокойно сидит дома и дожидается убийц. После того, как он обработал Коня, от него можно ожидать каких угодно подлых трюков. Его слабость в том, что он один, у Неспящего нет связи с головорезами из банды Тощего.

А еще где-то по Ливде бродит Мясник. Не представляю, что ему известно, но Грошика он убрал сразу, это должно что-то говорить о его осведомленности, так? Так... И он как раз тесно связан с парнями тестя, он в курсе всех дел. Да – вот где был прокол Обуха, он не воспринимал Мясника как наследника Тощего, он думал, что со смертью ростовщика вся его организация перестанет существовать и превратится в уязвимых одиночек. А ведь у Тощего был «законный» наследник – сильный, жестокий, авторитетный. Способный возглавить войну против Обуха. Точно – сейчас в Ливде начинается настоящая война.

Ладно. А что в этой ситуации делать мне? Пожалуй, стоит сидеть и не высовываться. Конечно, еще лучше было бы смотаться из города на время заварухи. Проблема в том, что мне негде спрятаться за пределами Ливды, моя теперешняя жизнь слишком тесно связана с городом. И некого попросить сообщить, когда все закончится. Нет, придется все время оставаться в Ливде. И еще эта история с Черным Всадником... Я чуял, что здесь пахнет великим тайнами. О таких вещах лучше знать больше. И, возможно, сбудутся мои прежние сумасшедшие фантазии и профили с древних монет заговорят со мной и поведают немало тайн прошлого...

Кстати, очень удачно, что вся Ливда будет напряжено следить за поединком бандитских «королей» и оставит без внимания всю эту чехарду теней прошлого – всех этих черных всадников, невероятных вороных коней и золотых крон из Семи Башен.

Кстати, я ведь назначил Эрствину встречу в «Шпоре сэра Тигилла» – я сказал «встретимся вечером». То, что можно считать «вечером», уже, пожалуй, наступает. Пора на встречу с моим юным другом...

Глава 10

В «Шпоре сэра Тигилла» сегодня было тихо. Здесь, как правило, не бывает шумных гулянок и буйных драк. Напиться и подраться – это больше по части моряков, а они облюбовали заведения в западной части города. В «Шпоре» же собирается народ степенный, положительный. Поэтому я собственно и хожу сюда. Но сегодня было еще спокойнее, чем обычно. Тихо, как на кладбище.

Я прошел к стойке и поздоровался с Кертом. В непривычно тихом зале кабака, стук моей клюки звучал особенно резко.

– Привет, толстяк. Что так невесело у тебя сегодня?

– Привет, Хромой. А чего веселиться? Неужто не слыхал – людей убивают в округе.

– Ну, говорили проезжие, что купца какого-то зарезали, что ли... Ах да, верно! Я же сам видел, прямо возле моей лавочки у Восточных еще какого-то оборванца... И что? Разве это повод грустить для обитателей нашего доброго города? В Ливде это обычное дело.

– Зато ты веселый сегодня, Хромой... Есть еще двое убитых – и оба в нашей округе. Слишком много смертей для одного дня, не находишь? Какого-то мужчину нашли обезглавленным, голову до сих пор ищут. Да еще один – за живодерней в Хибарах со свернутой шеей. Вон, Тойк-конюх говорит, полчаса назад нашли. Но у того хоть голова на месте. Да, не очень-то хороший день нынче в нашем городе.

– Н-да... Ну а у меня сегодня наоборот – сладилась выгодная сделка. Давай-ка как обычно. Ну и кувшинчик вина. Кстати, я сегодня жду гостя.

– Молодой господин из Большого дома?

– Он самый.

– Ты бы спросил его, Хромой, о чем там вообще, в Совете думают. Ведь с каждым годом все поганей становится в нашей Ливде...

– Да знаю я, Керт, знаю. Но только что пацан может сказать? И уж ты мне поверь, это не только у нас в Ливде, сейчас весь Мир словно с ума сошел. Из Ванетинии-то ничего не слышно?

– Пока ничего нового. Знаешь, Хромой, – толстяк понизил голос до шепота, – мне плевать, кто там император в Ванетинии – Алекиан или Велитиан, мне даже плевать, кто в Энгре на троне сидит. Но когда у нас в округе начинают резать людей... Э, а вот твой приятель!

В дверях показался Эрствин. Зайдя со света в полутемный зал, он замер на пороге и, прищурившись, принялся осматриваться. Прекрасная мишень – и я уже не говорю, что торчать в дверях невежливо по отношению к посетителям кабака. И этот юноша собирается стать солдатом? Эх, молодость, молодость... Я помахал рукой и позвал:

– Эй, сэр Эрствин, я здесь!

Парень, увидев меня, сразу заулыбался и, махнув в ответ, заспешил в угол к моему столу. Посетители уткнулись в свои тарелки, старательно не замечая «молодого господина». Как бы там ни было, а он здесь лишний.

– Присаживайся, Эрствин, – кивнул я, – что слышно? Раздобыл что-нибудь о Семи Башнях?

– Нет, архив был заперт. Все носятся... Слышал, в городе еще кого-то убили?

– Да, слышал кое-что краем уха. Я же сегодня весь день по делам пробегал, мне некогда было. Вот сейчас только хозяин рассказал, что еще кого-то мертвым нашли. А что в Совете говорят по этому поводу?

– Как обычно, – насупившись, вздохнул мой приятель, он явно подражал кому-то постарше, – много шума, мало толка. Глава Совета Лигель будет много говорить, гонять стражников по всему городу, но настоящих убийц так и не найдут.

– Это твой отец так говорит?

– Ну... – Эрствин не стал уточнять, – отец недоволен тем, что из-за этих убийств его делом никто не занимается. Только я думаю, что наш вопрос все равно никто решать не хочет. Если бы не сегодняшние убийства – нашлось бы что-то другое. Знаешь, Хромой, все здесь такое мелкое...

– Мелкое?

– Ну, понимаешь – здесь, в Ливде... В этом городе убивают за несколько медных монет, за одно ничего не значащее слово. А ведь где-то в Море сражаются... ну, по-настоящему... Короли и принцы... Престол в Ванетинии... Решается судьба Империи, судьба Мира... Может быть как раз сейчас, в эту минуту, может быть...

К нашему столу подошла дочка Керта с подносом и принялась неторопливо расставлять перед нами посуду. Вот уж ее точно не волновали сегодняшние убийства. Эрствин смущенно покосился на хорошенькую девушку и замолчал. Та не спеша накрыла на стол, пожелала нам приятного вечера, покосилась на моего юного приятеля, тихо хихикнула и удалилась, вильнув напоследок юбками. Эрствин, которого смутило прикосновение подола веселой девушки, начал краснеть и чтобы прервать неловкое молчание я поспешил заговорить:

– Знаешь, друг мой, смерть – это всегда смерть. Бедняк, убитый за пригоршню меди, не мертвее, чем добрый рыцарь, пронзенный на поле чести копьем какого-нибудь принца. Я даже скажу так – те различия, что существовали между ними при жизни, исчезают, когда люди умирают. Разве нет? Что еще так уравнивает нас в этом Море, как смерть?

– А служба наемника? Ты сам говорил, что Ренпристе нет сословных различий, там ценят людей не за гербы. Твои слова?

– Каюсь. Эти еретические слова произносил я.

Да... Служба наемника – и смерть... Что ж еще объединяет нас всех? Интересно обернулась наша беседа... Служба наемника и смерть...

* * *

Моя служба в отряде Торна сразу же показалась мне не в пример более веселой, чем прежняя – в Верделе. И отнеслись ко мне сразу по-дружески. В отряде это нормально. Здесь нет места личной неприязни и мелким обидам. Сегодня ты оскорбишь или обманешь парня, а завтра должен будешь доверить ему свою спину? Словом, меня встретили хорошо и сразу дали понять – я свой. Если принят в отряд – значит свой. Мне это было в диковинку, но до Гангмара приятно.

На рассвете мы выступили из Ренприста, заплатив по грошу – как все. Шли весело, мне – новичку – все наши наперебой старались выразить приязнь, кто-то сулил на первом же привале помочь пригнать лучище снаряжение, кто-то – потренировать в обращении с моим мечом... Я, конечно, понимал, что это обычное дело, что солдаты стараются поскорее помочь мне освоиться, чтобы отряд и впредь был единым монолитным организмом, но, повторяю, было непривычно и приятно. Я несмело улыбался в ответ и боялся поверить своему счастью.

*Не мешкая, но и не спеша особо, мы маршем пересекли добрую половину королевства и вышли к Золотой. Дальше некоторую часть пути предстояло проделать на барке. По Золотой мы шли по течению, это было время отдыха, днем я тренировался с мечом, по вечерам слушал байки моих товарищей, вспоминавших о прежних **делах**. С Золотой мы свернули в какую-то небольшую речушку, теперь плыть приходилось против течения и нам время от времени приходилось садиться на весла. Но настоящими «тяготами солдатской службы» я бы это не назвал. Свой Дар я скрывал по-прежнему и теперь вообще избегал упражняться в магии – я ведь постоянно был на виду, постоянно в компании. Меня это немного смущало, но я с радостью променял магию на право быть своим в отряде.*

Первое, если так можно выразиться, приключение случилось с нами уже, когда мы углубились в земли Фенады. В маленьком городишке, через который протекала наша река, местные обратились к Торну за помощью. Город, видите ли, был осажден! Осажден! У стен стали лагерем около сотни юнцов, «Гилфингвиых пасынков», как они сами себя именовали. Эти маленькие придурки – одна из самых заметных язв, поразивших Мир в последнее время. На самом деле все они трусы, по-моему, и сила их – только в нахальстве и том страхе, какой они внушают добрым бюргерам. Еще надо сказать, что здесь, в Фенаде, народ не такой боевой, как в Геве. Здеишние горожане испугались своры малолетних фанатиков и обратились за помощью к нам. На переговоры отправился Торн. Потом он рассказывал, что первым делом спросил у городских, кто их сеньор. Оказалось – какой-то граф, но он в отъезде. «Когда сторожевого пса нет поблизости, бараны не способны ни на что», – так прокомментировал наш капитан положение вещей. Словом, он сговорился с городскими выборными, что за плату мы прогоним «пасынков» от их стен. Мы сгрузились с барки, вооружились и вышли к городским воротам.

У ворот переминались с ноги на ногу несколько десятков горожан – местное ополчение. Они были хорошо вооружены и преисполнены собственного достоинства – а также страха. По-моему, эти крепкие мужчины могли бы разогнать толпу юнцов и сами, не обращаясь к нам. Но... Походной колонной мы приблизились к воротам. Городские расступились перед нами. С другой стороны ворот неслись ругательства, выкрикиваемые высокими срывающимися голосами и время от времени раздавался звонкий стук – «пасынки» швыряли в ворота камнями. Идиоты.

– Оружие к бою! – скомандовал наш капитан.

Мы расступились, ломая строй, лучники наложили стрелы. Городских вообще как ветром сдуло с улицы.

– Щиты, – вполголоса напомнил нам Торн, затем зычно рявкнул, – открывай!

Створки ворот со скрипом разъехались, два-три булыжника стукнули в подставленные нами щиты, лучники сделали залп, потом другой...

– Вперед! – и мы бросились за ворота.

Нахальных юнцов стрелы не напугали, они, вереща и размахивая своими палками, побежали нам навстречу. Мы сблизились вплотную и сразу же опрокинули самых смелых бродяг – тех, что бежали первыми. Я оказался немного позади, поэтому первый обмен ударами прошел без меня, затем наша толпа рассыпалась – и мне навстречу выскочил «божий пасынок». В тот момент он мне показался крупным почти взрослым парнем. Мой противник неуклюже замахнулся увесистым колом, что-то нечленораздельно вереща. Я спокойно пригнулся – палка просвистела над моей головой – затем выпрямился и нанес ответный удар. Уже качнувшись корпусом вслед за мечом, я наконец-то разглядел, что мой противник – всего-навсего щупленький подросток, едва не свалившийся от инерции своего собственного удара. Оружие пацана было слишком тяжелым для него...

Я словно разом увидел все – тощие плечи под драным тряпьем, перекошенный рот, обезумевшие глаза. Я едва успел перевернуть в руке рукоятку меча – так что удар пришелся плашмя. Пацан взвыл, выронил дубину, сел на землю и... разрыдался, влажно всхлипывая и размазывая по лицу грязь и слезы. От него несло перегаром.

– Славно, вот и добыча! – раздался рядом со мной голос капитана, – отлично, Писарь! А то никакого навару с этой драчки, хотя день потерян...

Я огляделся – мои товарищи не были столь щепетильны и били в полную силу. Около двадцати окровавленных тел валялось на поле перед воротами, остальные разбежались. По крайней мере, бежали они быстрее взрослых.

* * *

После слов о смерти разговор не клеился. Вообще-то меня не смущают такие вещи, да что там – я воочию видел достаточно много, чтобы перестать обращать внимания на слова. Ну а Эрствин слишком юн, чтобы осознать истинное значение собственных речей. В его возрасте очень интересно говорить на такие темы, делать вид, что все понимаешь, что тебя не смущает ничто в нашем Море, даже такие страшные понятия, как страдания и смерть. На самом деле то, что подросток спокойно говорит о страданиях и смерти – не настоящее равнодушие, а всего лишь непонимание, но что это меняет?

Мы помолчали, обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами... Допили вино...

– Идем, друг мой, я тебя провожу, – наконец решил я, – и не спорь. Ты сам видишь, что в городе сегодня слишком уж беспокойно...

Действительно, на улицах сейчас должно быть очень опасно. Если мои предположения верны, то Мясник сейчас ведет охоту на Обуха, Обух прячется и рассылает своих головорезов на поиски Мясника, в то же время он следит за домом Неспящего. Довольно интересная ситуация. Если Мясник и Неспящий смогут встретиться – они вдвоем, пожалуй, станут непобедимыми. С другой стороны, Неспящий должен бы бояться покинуть свой дом. Там он надежно защищен, тогда как на улицах ему будет грозить нешуточная опасность... Значит, Мясник постарается пробиться к дому колдуна? Да, наверное, так – вряд ли он решится нападать на его светлость в одиночку. Значит, у берлоги старого мага и развернутся основные события. А она – как раз у нас по пути....

– И вот еще что. Мы с тобой пойдем другой дорогой, ладно? – это я сказал после того, как мы вышли на улицу и я, оглядевшись, убедился, что нас никто не слышит.

– Это почему? Ты что-то знаешь об этих убийствах, Хромой?

– Знаю, Эрствин. Но не обессудь, тебе рассказать не могу.

– Это почему же? Я же никому не выдам... – в голосе моего приятеля послышалась обида. Вообще-то, он в самом деле никому не скажет. И предостеречь его не помешает. Ладно. – Я тебе доверяю, Эрствин, но... Понимаешь, это не только мои тайны. Но кое-что я тебе расскажу. Идем... Так вот, помнишь, с чего все началось?

– Что ты имеешь в виду? Этого убитого купца, Товкера-Тощего?

– Его, точно. Убили Тощего конкуренты, которые хотят захватить его территорию...

Это моего приятеля уже не удивляло. Из моих рассказов он знал, что в ночном мире Ливды существуют свои королевства, сеньории и ленные владения. Ну и, разумеется, там ведутся свои войны за эти призы.

– У Тощего есть зять. Наследный принц, понимаешь?

Эрствин кивнул с серьезным видом. Нет, так нельзя – парень слишком уж увлекается моей интерпретацией грызни бандитов. Если взглянуть на дело под таким углом, то выходило, что Мясник – ни дать, ни взять, герой рыцарской баллады. Но это не смешно.

– ...Этот «принц» – тоже убийца и злодей, он такой же негодяй, как и его противники. В этой войне нет правых и виноватых, понимаешь? – опять кивает... На все мои «понимаешь» он кивает так задумчиво... – у нашего «принца» есть союзник, чародей... Сейчас наш «принц» попытается встретиться с чародеем, а по дороге его наверняка подстерегают враги...

О Гилфинг, что я плету? Это же просто сюжет «Гвениадора и Денареллы»... Дальше злодей Гонгал, то есть его светлость Обух, должен обманом захватить Денареллу (кстати, как зовут дочку Тощего?) и домогаться ее руки... А Гвениадор-Мясник? Чародей посулит ему помощь, но взамен попросит помочь справиться с ведьмой... С ведьмой? Хм-м... Мне это не нравится.

– Ну, а дом нашего волшебника расположен как раз у нас на пути. Поэтому нам лучше было пойти в обход...

– Я понял, – перебил меня Эрствин, – ты говорил о Зибенете Неспящем.

– Да, верно. Так что держись от его дома подальше... Ну вот, здесь мы с тобой попрощаемся, хорошо?

– Хорошо, Хромой. Но я бы и сам дошел...

Я прервал его бессвязные уверения в том, что он может сам о себе позаботиться и, быстро распрощавшись, зашагал прочь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.